

ВОЕННО- ПАТРИОТИЧЕСКАЯ ХРЕСТОМАТИЯ ДЛЯ ДЕТЕЙ

Военно-патриотическая хрестоматия для детей

«АСТ»

2015

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Военно-патриотическая хрестоматия для детей / «АСТ»,
2015

ISBN 978-5-457-91796-5

«Патриотизм. Это слово подчас используется в ироническом или даже ругательном смысле. Однако для большинства россиян оно сохранило свое первоначальное, полностью позитивное значение. Это чувство гордости своим Отечеством, его историей и свершениями. Это стремление сделать свою страну краше, богаче, крепче, счастливее. Когда эти чувства свободны от национальной кичливости и имперских амбиций, в них нет ничего предосудительного, косного. Это источник мужества, стойкости, силы народа. Утратив патриотизм, связанные с ним национальную гордость и достоинство, мы потеряем себя как народ, способный на великие свершения», – президент Российской Федерации В. Путин.

В. Путин. Патриота можно воспитать по-разному. Можно внушить беззаветную преданность к своему государству. Можно убедить, что главное – защищать родину с оружием в руках в случае беды. Можно доказать, что во имя интересов своей страны надо быть всегда готовым на жертвы и подвиги. А можно очень просто привить любовь к Отечеству: с детства читать сказки, былины, рассказы, романы о героях своей Родины. Знать, кто такой Алеша Попович, Добрыня Никитич, Илья Муромец. Цитировать «Слово о полку Игореве» и поэмы Пушкина, Лермонтова. Сопереживать и знаменитым полководцам и простым солдатам. Не путаться в фамилиях Кутузова, Жуковского, Невского. Смеяться над баснями Крылова и повестями Гоголя. С легкостью рассуждать о перипетиях судьбы персонажей «Войны и мира». И вы увидите, что в нашей стране станет патриотов намного больше, чем сейчас. И тогда они смогут и защитить, и не предать своих соотечественников. В этой книге собраны лучшие произведения русской классической литературы, посвященные любви к Родине. Читайте ее вместе с вашими детьми.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-457-91796-5

, 2015
© АСТ, 2015

Содержание

Былины	6
Алеша Попович и Тугарин Змеевич	7
Алеша Попович и Добрыня Никитич	12
Илья Муромец	21
Илья Муромец и Соловей-Разбойник	24
Слово о полку Игореве	30
Слово о полку Игореве	31
Часть первая	32
Часть вторая	39
Часть третья	45
Отечественная война 1812 года	49
Г. Р. Державин	50
Гимн лиро-эпический на прогнание французов из отечества	50
Ода на смерть фельдмаршала князя Смоленского	56
Князь Кутузов-Смоленской	57
И. А. Крылов	58
Волк на псарне	58
Обоз	59
Ворона и курица	60
В. А. Жуковский	61
Певец во стане русских воинов	61
Вождю победителей	76
Бородинская годовщина	79
П. А. Вяземский	84
Послание к Жуковскому из Москвы, в конце 1812 года	84
К. Ф. Рылеев	86
Партизаны	86
Песня партизанская	87
А. С. Пушкин	88
На возвращение государя императора из Парижа в 1815 году	88
Наполеон	91
Евгений Онегин	94
Клеветникам России	96
М. Ю. Лермонтов	98
Поле Бородина	98
Два великана	100
Бородино	101
Последнее новоселье	104
Н. В. Гоголь	106
Тарас Бульба	107
Л. Н. Толстой	123
Кавказский пленник	124

Военно-патриотическая хрестоматия для детей

Былины

Былины (старины) – героико-патриотические песни-сказания, повествующие о подвигах богатырей и отражающие жизнь Древней Руси IX–XIII веков; вид устного народного творчества, которому присущ песенно-эпический способ отражения действительности. Основным сюжетом былины является какое-либо героическое событие, либо примечательный эпизод русской истории (отсюда народное название былины – «старина», «стари-нушка», подразумевающее, что действие, о котором идёт речь, происходило в прошлом). Во многих текстах упоминается фигура киевского князя Владимира, которого иногда отождествляют с Владимиром Святославичем. Впервые термин «былины» был введён Иваном Сахаровым в сборнике «Песни русского народа» в 1839 году. Он предложил его, исходя из выражения «по былинам» в «Слове о полку Игореве», что значило «согласно фактам».

Некоторые тексты действительно свидетельствуют о том, что былины изложены «согласно фактам». Так, например, Илья Муромец упоминается в XIII веке в норвежской «Саге о Тидреке» и немецкой поэме «Ортнит», а в 1594 году немецкий путешественник Эрих Лассота видел его гробницу в Софийском соборе в Киеве. Алёша Попович служил у ростовских князей, потом перебрался в Киев и погиб в битве на реке Калке. В Новгородской летописи рассказывается о том, как Ставр Годинович навлек к на себя гнев Владимира Моно-маха, и его утопили за то, что он обокрал двух граждан Новгорода; в другом варианте той же летописи говорится, что его сослали. Былины, как правило, написаны тоническим стихом с двумя-четырьмя ударениями.

Алеша Попович и Тугарин Змеевич

Из славного Ростова красна города
Как два ясные сокола вылетывали —
Выезжали два могучие богатыря:
Что по имени Алешенька Попович млад
А со молодым Якимом Ивановичем.
Они ездят, богатыри, плечо о плечо,
Стремено в стремено богатырское.
Они ездили-гуляли по чисту полю, Ничего
они в чистом поле не наезживали, Не
видели они птицы перелетныя, Не видали
они зверя рысучего.
Только в чистом поле наехали — Лежат
три дороги широкие, Промежу тех
дорог лежит горюч камень,
А на камени подпись подписана.
Взговорит Алеша Попович млад:
— А и ты, братец Яким Иванович,
В грамоте поученый человек,
Посмотри на камени подписи, Что
на камени подписано.
И скочил Яким со добра коня,
Посмотрел на камени подписи
Расписаны дороги широкие
Первая дорога в Муром лежит,
Другая дорога – в Чернигов-град.
Третья – ко городу ко Киеву, Ко
ласкову князю Владимиру.
Говорил тут Яким Иванович:
— А и братец Алеша Попович млад,
Которой дорогой изволишь ехать?
Говорил ему Алеша Попович млад:
— Лучше нам ехать ко городу ко Киеву,
Ко ласковому князю Владимиру — В
те поры поворотили добрых коней И
поехали они ко городу ко Киеву...
А и будут они в городе Киеве
На княженецком дворе,
Скочили со добрых коней,
Привязали к дубовым столбам,
Пошли во светлы гридни,
Молятся спасову образу
И бьют челом, поклоняются
Князю Владимиру и княгине Апраксеевне
И на все четыре стороны.
Говорил им ласковый Владимир-князь:

– Гой вы еси, добры молодцы!
Скажитесь, как вас по имени зовут —
А по имени вам можно место дать, По
изотчеству можно пожаловать.
Говорит тут Алеша Попович млад:
– Меня, государь, зовут Алешею Поповичем,
Из города Ростова, сын старого попа
соборного. В те поры Владимир-князь
обрадовался, Говорил таковы слова:
– Гой еси, Алеша Попович млад!
По отечеству садися в большое место, в передний уголок
В другое место богатырское,
В дубову скамью против меня,
В третье место, куда сам захошь. Не
садился Алеша в место большее И
не садился в дубову скамью —
Сел он со своим товарищем на палатный
брус. Мало время позамешкавши, Несут
Тугарина Змеевича На той доске красна
золота Двенадцать могучих богатырей,
Сажали в место большее,

И подле него сидела княгиня
Апраксеевна. Тут повары были догадливы
— Понесли яства сахарные ипитья
медвяные, А питья все заморские, Стали
тут пить-есть, прохладатися.
А Тугарин Змеевич нечестно хлеба
ест, По целой ковриге за щеку мечет
— Те ковриги монастырские, И
нечестно Тугарин питья пьёт — По
целой чаше охлёстывает, Которая
чаша в полтретья ведра.

И говорит в те поры Алеша Попович млад:
– Гой еси ты, ласковый государь Владимир-
князь! Что у тебя за болван пришел?
Что за дурак неотесанный? Нечестно у князя
за столом сидит, Княгиню он, собака, целует
во уста сахарные, Тебе, князю, насмехается.

А у моего сударя-батюшки
Была собачища старая, Насилу
по подстолью таскалася,
И костью та собака подавилася —
Взял ее за хвост, да под гору махнул.
От меня Тугарину то же будет!
Тугарин почернел, как осенняя ночь,
Алеша Попович стал как светел месяц.
И опять в те поры повары были догадливы —

Носят яства сахарные и принесли лебедушку белую,
И ту рушала княгиня лебедь белую,
Обрезала рученьку левую, Завернула
рукавцем, под стол опустила, Говорила
таковы слова:

– Гой еси вы, княгини-боярыни!

Либо мне резать лебедь белую,
Либо смотреть на мил живот, На
молода Тугарина Змеевича!

Он, взявши, Тугарин, лебедь
белую, Всю вдруг проглотил, Еще
ту ковригу монастырскую. Говорит
Алеша на палатном брису:

– Гой еси, ласковый государь Владимир-
князь! Что у тебя за болван сидит?

Что за дурак неотёсанный?

Нечестно за столом сидит,
Нечестно хлеба с солью ест —

По целой ковриге за щеку мечет
И целу лебёдушку вдруг проглотил.

У моего сударя-батюшки,
Фёдора, попа ростовского,
Была коровища старая, Насилу
по двору таскалася, Забиласяна
поварню к поварам, Выпила
чан браги пресныя, От того она
и лопнула.

Взял за хвост, да под гору махнул. От
меня Тугарину то же будет! Тугарин
потемнел, как осенняя ночь,

Выдернул кинжалище булатное,
Бросил в Алешу Поповича.

Алеша на то-то верток был, Не мог
Тугарин попасть в него. Подхватил
кинжалище Яким Иванович, Говорил
Алеше Поповичу:

– Сам ли бросаешь в него или мне велишь?

– Нет, я сам не бросаю и тебе не
велю! Заутра с ним переведаюсь.

Бьюсь я с ним о велик заклад —
Не о ста рублях, не о тысяче, А

буюсь о своей буйной голове. В
те поры князья и бояра

Скочили на резвы ноги

И все за Тугарина поруки держат: Князья
кладут по сто рублей, Бояре по пятьдесят,
крестьяне по пяти рублей; Тут же случились
гости купеческие — Три корабля свои
подписывают

Под Тугарина Змеевича,
Всякие товары заморские,
Которы стоят на быстром Днепре.
А за Алешу подписывал владыка черниговский. В те
поры Тугарин взвился и вон ушел, Садился на своего
добра коня, Поднялся на бумажных крыльях по
поднебесью летать Скочила княгиня Апраксеевна на
резвы ноги, Стала пенять Алеше Поповичу:

– Деревенщина ты, засельщина!
Не дал посидеть другу милому! В
те поры Алеша не слушался,
Взвился с товарищем и вон
пошел, Садился на добрых
коней, Поехали ко Сафат-реке,
Поставили белы шатры, Стали
опочив держать, Коней отпустили
в зелены луга. Тут Алеша всю
ночь не спал, Молился богу со
слезами:

– Создай, боже, тучу грозную,
А й тучу-то с градом-дождя!
Алешины молитвы доходчивы —
Дает господь бог тучу с градом-дождя.
Замочило Тугарину крылья бумажные,
Падает Тугарин, как собака, на сыру землю.
Приходил Яким Иванович,
Сказал Алеше Поповичу,
Что видел Тугарина на сырой земле.
И скоро Алеша наряжается,
Садился на добра коня, Взял
одну сабельку острую
И поехал к Тугарину Змеевичу.
Увидел Тугарин Змеевич Алешу Поповича,
Заревел зычным голосом:

– Гой еси, Алеша Попович млад!
Хошь ли, я тебя огнем спалю, Хошь
ли, Алеша, конем стопчу, Али тебя,
Алеша, копьем заколю? Говорил
ему Алеша Попович млад:

– Гой ты еси, Тугарин Змеевич млад.
Бился ты со мной о велик заклад
Биться-драться един на един, А за
тобою ноне силы – сметы нет. —
Оглянется Тугарин назад себя —
В те поры Алеша подскочил, ему голову
срубил. И пала голова на сыру землю, как
пивной котел. Алеша скочил со добра коня,
Отвязал чембур от добра коня,

И проколол уши у головы Тугарина Змеевича,
И привязал к добру коню,
И привез в Киев-град на княженецкий двор,
Бросил среди двора княженецкого.
И увидел Алешу Владимир-
князь, Повел во светлы гридни,
Сажал за убраны столы; Тут для
Алеши и стол пошел. Сколько
время покушавши, Говорил
Владимир-князь:
– Гой еси, Алеша Попович
млад! Час ты мне свет дал.
Пожалуй, ты живи в Киеве,
Служи мне, князю Владимиру,
Долюби тебя пожалую.
В те поры Алеша Попович млад
Князя не ослушался, Стал
служить верой и правдою.
А княгиня говорила Алеше Поповичу:
– Деревенщина ты, засельщина!
Разлучил меня с другом милым,
С молодым Змеем Тугаретином!..
То старина, то и деяние.

Алеша Попович и Добрыня Никитич

Добрынюшка-тот матушке говаривал,
Да Никитинич-от матушке наказывал:
«Ты, свет, государыня да родна матушка,
Честна вдова Офимья Александровна!
Ты зачем меня, Добрынюшку, несчастного
спородила? Породила, государыня бы родна матушка,
Ты бы беленьким горючим меня камешком,
Завернула, государыня да родна матушка,
В тонкольняный было белый во рукавичек,
Да вздынула, государыня да родна матушка,
Ты на высокоу на гору сорочинскую И
спустила, государыня да родна матушка,
Меня в Черное бы море, во турецкое, —
Я бы век бы там, Добрыня, во мори лежал,
Я отныне бы лежал да я бы до веку, Я не
ездил бы, Добрыня, по чисту полю.
Я не убивал, Добрыня, неповинных
душ, Не пролил бы крови я напрасная,
Не слезил, Добрыня, отцов, матерей,
Не вдовил бы я, Добрынюшка, молодых жен,
Не спущал бы сиротать да малых детушек».
Ответ держит государыня да родна матушка,
Та честна вдова Офимья Александровна:
«Я бы рада бы тя, дитятко, спородити:
Я талантом-участью в Илью Муромца,
Я бы силой в Святогора да Богатыря,
Я бы смелостью во смелого Алешу во
Поповича, Я походкою тебя щापливою Во того
Чурилу во Пленковича,
Я бы вежеством в Добрыню во Никитича,
Только тыи статьи есть, а других Бог не дал,
Других Бог статьей не дал да не
пожаловал». Скоро-наскоро, Добрыня, он
коня седлал, Садился он скоро на добра
коня, Как он потнички да клал да на
потнички, А на потнички клал войлочки,
Клал на войлочки черкасское седельшко,
Всех подтягивал двенадцать тугих подпругов,
Он тринадцатый-от клал да ради крепости,
Чтобы добрый конь-от с-под седла не
выскочил, Добра молодца в чистом поле не
вырушил. Подпруги были шелковые, А
спеньки у подпруг все булатные, Пряжи у
седла да красна золота.
Тот да шелк не рвется, да булат не трется,

Красно золото не ржавеет.
Молодец-то на кони сидит, да сам не стареет.
Провожала-то Добрыню родна матушка.
Простилася и воротилася,
Домой пошла, сама заплакала.
А у тыя было у стремины у правыя,
Провожала-то Добрыню любима семья,
Молода Настасья дочь Никулична, Она
была взята из земли Политовския, Сама
говорит да таково слово:
«Ты, душка, Добрынюшка Никитинич!
Ты когда, Добрынюшка, домой будешь?
Когда ожидать Добрыню из чиста поля?»
Ответ держит Добрынюшка Никитинич:
«Когда меня ты стала спрашивать, Так
теперича тебе я стану сказывать: Ожидай
меня, Добрынюшку, по три года. Если в
три года не буду, жди по друго три,
А как сполнится то время шесть годов,
Как не буду я, Добрыня, из чиста поля,
Поминай меня, Добрынюшку, убитого.
А тебе-ка-ва, Настасья, воля вольная:
Хоть вдовой живи да хоть замуж поди,
Хоть ты за князя поди, хоть за боярина,
А хоть за русского могучего богатыря, Столько
не ходи за моего за брата за названого, Ты за
смелого Алешу за Поповича».
Его государыня-то родна матушка,
Она учала как по полати-то похаживать,
Она учала как голосом поваживать, И
сама говорит да таково слово: «Единое ж
было да солнце красное, Нонь тепере за
темны леса да закатилося, Стольки
оставлялся млад светел месяц. Как
единое ж было да чадо милое, Молодой
Добрыня сын Никитинич, Он во далече,
далече, во чистом поле, Судит ли Бог на
веку хоть раз видать?» Еще стольки
оставлялась любима семья, Молода
Настасья дочь Никулична, На роздей
тоски великая кручинушки.
Стали сожидать Добрыню из чиста поля по три года,
А и по три года, еще по три дня,
Сполнилось времени цело три года.
Не бывал Добрыня из чиста поля.
Стали сожидать Добрыню по другое три,
Тут как день за днем да будто дождь дождит,
А неделя за неделей как трава растет,
Год тот за годом да как река бежит.

Прошло тому времени другое три,
Да как сполнилось времени да целых шесть
годов, Не бывал Добрыня из чиста поля. Как во
тую пору, да во то время
Приезжал Алеша из чиста поля.
Привозил им весточку нерадостну,
Что нет жива Добрынюшки Никитича,
Он убит лежит да на чистом поле:
Буйна голова да испроломана,
Могучи плеча да испрострелены.
Головой лежит да в част ракивов куст.
Как тогда-то государыня да родна матушка
Слезила-то свои да очи ясные,
Скорбила-то свое да лицо белое
По своем роженоем по дитятке,
А по молодом Добрыне по Никитичу.
Тут стал солнышко Владимир-то похаживать,
Да Настасью-то Никуличну посватывать,
Посватывать да подговаривать;
«Что как тебе жить да молодой вдовой,
А и молодой век да свой коротати,
Ты поди замуж хоть за князя, хоть за боярина,
Хоть за русского могучего богатыря,
Хоть за смелого Алешу за Поповича».
Говорит Настасья дочь Никулична:
«Ах ты, солнышко Владимир стольнокиевский!
Я исполнила заповедь ту мужнюю —
Я ждала Добрыню цело шесть годов,
Я исполню заповедь да свою женскую;
Я прожду Добрынюшку друго шесть лет.
Как исполнится времени двенадцать лет,
Да успею я в те поры замуж пойти».
Опять день за днем да будто дождь
дождит, А неделя за неделей как трава
растет, Год тот за годом да как река бежит.
А прошло тому времени двенадцать
лет, Не бывал Добрыня из чиста поля.
Тут стал солнышко Владимир тут
похаживать, Он Настасьи-той Никуличной
посватывать, Посватывать да подговаривать:
«Ты эй, молода Настасья дочь
Никулична! Как тебе жить да молодой
вдовой, А молодой век да свой коротати.
Ты поди замуж хоть за князя, хоть за боярина,
Хоть за русского могучего богатыря, А хоть за
смелого Алешу да Поповича».
Не пошла замуж ни за князя, ни за боярина, Ни
за русского могучего богатыря, А пошла
замуж за смелого Алешу за Поповича.

Пир идет у них по третий день,
А сегодня им идти да ко Божьей церкви,
Принимать с Алешей по злату венцу.
В тую ль было пору, а в то время,
А Добрыня-то случился у Царя-града,
У Добрыни конь да подтыкается.
Говорил Добрыня сын Никитинич:
«Ах ты, волчья сыть да ты медвежья
шерсть! Ты чего сегодня подтыкаешься?»
Испровещитесь как ему добрый конь, Ему
голосом да человеческим:
«Ах ты эй, хозяин мой любимья!
Над собой невзгодушки не ведаешь:
А твоя Настасья-королевична,
Королевична – она замуж пошла
За смелого Алешу за Поповича.
Как пир идет у них по третий день,
Сегодня им идти да ко Божьей церкви,
Принимать с Алешей по злату венцу».
Тут молодой Добрыня сын Никитинич,
Он бьет бурка промежду уши,
Промежду уши да промежду ноги,
Что стал его бурушка поскакивать,
С горы на горы да с холма на холму, Он
реки и озера перескакивал, Где широкие
раздолья – между ног пуцал. Буде во
граде во Киеве, Как не ясный сокол в
перелёт летел,
Добрый молодец да в перегон
гонит, Не воротми ехал он – через
стену, Через тую стену городовую,
Мимо тую башню наугольную, Ко
тому придворью ко вдовиному; Он
на двор заехал безобсылочно, А в
палаты идет да бездокладочно,
Он не спрашивал у ворот да
приворотников, У дверей не спрашивал
придверников; Всех он взашей прочь
отталкивал, Смело проходил в палаты во
вдовиные, Крест кладет да по-писаному, Он
поклон ведет да по-ученому, На все три,
четыре да на стороны,
А честной вдове Офимье Александровне да в особину:
«Здравствуешь, честная вдова, Офимья
Александровна!» Как вслед идут придверники да
приворотники, Вслед идут, всё жалобу творят:
Сами говорят да таково слово:
«Ах ты эй, Офимья Александровна!
Как этот-то удалый добрый молодец,

Он наехал с поля да скорым гонцом,
Да на двор заехал безобсылочно,
В палаты-ты идет да бездокладочно,
Нас не спрашивал у ворот да приворотников,
У дверей не спрашивал придверников, Да
всех взашей прочь отталкивал, Смело
проходил в палаты во вдовиные».
Говорит Офимья Александровна:
«Ты эй, удалый добрый молодец!
Ты зачем же ехал на сиротский двор да безобсылочно,
А в палаты ты идешь да бездокладочно, Ты не
спрашивашь у ворот да приворотников,
У дверей не спрашивашь придверников,
Всех ты взашей прочь отталкиваешь?
Кабы было живо мое чадо милое,
Молодой Добрыня сын Никитинич,
Отрубил бы он тебе-ка буйну голову
За твои поступки неумильные».
Говорил удалый добрый молодец:
«Я вчера с Добрыней поразъехался,
А Добрыня поехал ко Царю-
граду, Я поехал да ко Киеву».
Говорит честна вдова Офимья
Александровна: «Во тую ли было пору, во
перво шесть лет Приезжал Алеша из чиста
поля, Привозил нам весточку нерадостну, Что
нет жива Добрынюшки Никитича, Он убит
лежит да во чистом поле:
Буйна голова его испроломлена,
Могучи плеча да испрострелены,
Головой лежит да в част ракитов куст.
Я жалешенько тогда ведь по нем
плакала, Я слезила-то свои да очи ясные,
Я скорбила-то свое да лицо белое По
своем роженоем по дитятке,
Я по молодом Добрыне по Никитичу».
Говорил удалый добрый молодец:
«Что наказывал мне братец-от названья,
Молодой Добрыня сын Никитинич,
Спросить про него, про любиму семью,
А про молодую Настасью про Никуличну».
Говорит Офимья Александровна:
«А Добрынина любима семья замуж
пошла За смелого Алешу за Поповича.
Пир идет у них по третий день,
А сегодня им идти да ко Божьей церкви,
Принимать с Алешкой по злату венцу».
Говорил удалой добрый молодец:
«А наказывал мне братец-от названья,

Молодой Добрыня сын Никитинич:
Если случит Бог быть на пору тебе во Киеве,
То возьми мое платье скоморошское,
Да возьми мои гусельшки яровчаты
В новой горенке да все на стопочке». Как бежала тут Офимья Александровна, Подавала ему платье скоморошское, Да гусельшки ему яровчаты. Накрутился молодец как скоморошиной, Да пошел он на хорош почестный пир. Идет, как он да на княженецкий двор, Не спрашивал у ворот да приворотников, У дверей не спрашивал придверников, Да всех взашей прочь отталкивал, Смело проходил во палаты княженецкие; Тут он крест кладёт да по-писаному, А поклон ведет да по-ученому, На все три, четыре да на стороны, Солнышку Владимиру да в особину:
«Здравствуй, солнышко Владимир стольный киевский С молодой княгиней со Апраксией!» Вслед идут придверники да приворотники, Вслед идут, все жалобу творят, Сами говорят да таково слово:

«Здравствуй, солнышко Владимир стольный киевской! Как эта удача скоморошина Наехал из чиста поля скорым гонцом, А теперича идет да скоморошиной, Нас не спрашивал у ворот да приворотников, У дверей он нас не спрашивал, придверников, Да всех нас взашей прочь отталкивал. Смело проходил в палаты княженецкие». Говорил Владимир стольный киевский:
«Ах ты эй, удача скоморошина! Зачем идешь на княженецкий двор да безобсылочно, А и в палаты идешь бездокладочно, Ты не спрашивашь у ворот да приворотников, У дверей не спрашивашь придверников, А всех ты взашей прочь отталкивал?» Скоморошина к речам да не вчуется, Скоморошина к речам не примется, Говорит удача скоморошина:

«Солнышко Владимир стольный киевский! Скажи, где есть наше место скоморошское?» Говорит Владимир стольнокиевский:
«Что ваше место скоморошское А на той на печке на муравленой, На муравленой на печке да на запечке». Он вскочил скоро на место на показано,

На тую на печку на муравлену.
Он натягивал тетивочки шелковые,
Тыи струночки да золоченые,
Он учал по стрункам похаживать,
Да он учал голосом поваживать
Играет-то он ведь во Киеве,
А на выигрыш берет во Цари-граде.
Он повыиграл во ограде во Киеве,
Он во Киеве да всех поимянно, Он
от старого да всех до малого. Тут все
на пиру игры заслушались, И все на
пиру призамолкнулись, Самы
говорят да таково слово:
«Солнышко Владимир стольнокиевский!
Не быть этой удалой скоморошине,
А какому ни быть надо русскому,
Быть удалому да добру молодцу».
Говорит Владимир стольнокиевский:
«Ах ты эй, удала скоморошина!
За твою игру да за веселую,
Опускайся-ко из печи из-запечка,
А садись-ко с нами да за дубов стол,
А за дубов стол да хлеба кушати.
Теперь дам я ти три места три любимых:
Перво место сядь подли меня,
Друго место сопровтив меня,
Третье место куда сам захошь,
Куда сам захошь, ещё пожалуешь».
Опущалась скоморошина из печи из муравленой,
Да не села скоморошина подле князя,
Да не села скоморошина да сопровтив князя,
А садилась на скамеечку Сопровтив княгини-то
обручныя, Против молодой Настасьи да Никуличны.
Говорит удала скоморошина:
«Ах ты, солнышко Владимир
стольнокиевский! Бласлови-ко налить чару
зелена вина, Поднести-то эту чару кому я
знаю, Кому я знаю, еще пожалую».
Говорил Владимир стольнокиевский:
«Ай ты эй, удала скоморошина! Была
дана ти поволька да великая, Что
захочешь, так ты то делай, Что ты
вздумаешь, да ещё и то твори».
Как тая удала скоморошина Наливала чару зелена
вина, Да опустит в чару свой злачен перстень, Да
подносит-то княгине поручёныя, Сам говорил да
таково слово:
«Ты эй, молода Настасья, дочь Никулична!
Прими-ко сию чару единой рукой,

Да ты выпей-ко всю чару единым духом.
Как ты пьешь до дна, так ты ведашь добра,
А не пьешь до дна, так не ведашь
добра». Она приняла чару единой рукой,
Да и выпила всю чару единым духом,
Да обсмотрит в чаре свой злачен перстень,
А котормым с Добрыней обручалася,
Сама говорит таково слово: «Вы эй же, вы, князи, да вы,
бояра, Вы все же, князи вы и дворяна!
Ведь не тот мой муж, да кой подли меня,
А тот мой муж, кой супротив меня:
Сидит мой муж да на скамеечке, Он
подносит мне-то чару зелена вина».
Сама выскочит из стола да из-за
дубова, Да и упала Добрыне во резвы
ноги, Сама говорит да таково слово:
«Ты эй, молодой Добрыня сын Никитинич!
Ты прости, прости, Добрынюшка
Никитинич, Что не по-твоему наказу да я
сделала, Я за смелого Алешеньку замуж
пошла, У нас волос долог, да ум короток, Нас
куда ведут, да мы туда идём, Нас куда везут,
да мы туда едем».
Говорил Добрыня сын Никитинич:
«Не дивую разуму я женскому:
Муж-от в лес, жена и замуж пойдет,
У них волос долог, да ум короток.
А дивую я солнышку Владимиру
Со своей княгиней со Апраксией,
Что солнышко Владимир тот сватом был,
А княгиня-то Апраксия да была свахою,
Они у жива мужа жону да просватали».
Тут солнышку Владимиру к стыду
пришло, Он повесил свою буйну голову,
Утопил ясны очи во сыру землю.
Говорит Алешенька Левонтьевич:
«Ты прости, прости, братец мои названья,
Молодой Добрыня сын Никитинич!
Ты в той вине прости меня во глупости, Что
я посидел подли твоей любимой семьи,
Подле молодой Настасии да Никуличной».
Говорил Добрыня сын Никитинич:
«А в той вины, братец, тебя Бог простит,
Что ты посидел подли моей да любимой
семьи, Подле молодой Настасии Никуличны.
А в другой вине, братец, тебя не прощу,
Когда приезжал из чиста поля во перво шесть
лет, Привозил ты весточку нерадостну, Что нет
жива Добрынюшки Никитича;

Убит лежит да на чистом поле.
А тогда-то государыня да моя родна матушка,
А жалешенько она да по мне плакала,
Слезила-то она свои да очи ясные,
А скорбила-то свое да лицо белое, —
Так во этой вине, братец, тебя не прощу». —
Как ухватит он Алешу за желты кудри,
Да он выдернет Алешку через дубов стол,
Как он бросит Алешку о кирпичен мост,
Да повыдернет шалыгу подорожную,
Да он учал шалыгищем охаживать,
Что в хлопанье-то охканья не слышно ведь;
Да только-то Алешенька и женат бывал,
Ну столько-то Алешенька с женой сыпал.
Всяк-то, братцы, на веку ведь женится,
И всякому женитьба удавается,
А не дай Бог женитьбы той Алешиной. Тут
он взял свою да любиму семью, Молоду
Настасью да Никуличну, И пошел к
государыне да и родной матушке, Да он
здьял доброе здоровьице.
Тут век про Добрыню старину скажут,
А синему морю на тишину,
А всем добрым людям на послушанье.

Илья Муромец

Исцеление Ильи Муромца

В славном городе во Муромле,
Во селе было Карачарове,
Сиднем сидел Илья Муромец, крестьянский
сын, Сиднем сидел цело тридцать лет.
Уходил государь его батюшка
Со родителем со матушкою На
работушку на крестьянскую.
Как приходили две калики перехожие
Под тое окошечко косявчето. Говорят
калики таковы слова:
«Ай же ты Илья Муромец, крестьянский
сын! Отворяй каликам ворота широкие,
Пусти-ка калик к себе в дом».
Ответ держит Илья Муромец:
«Ай же вы, калики перехожие!
Не могу отворить ворот широких,
Сиднем сижу цело тридцать лет, Не
владаю ни руками, ни ногами». Опять
говорят калики перехожие:
«Выставай-ка, Илья, на резвы ноги,
Отворяй-ка ворота широкие, Пускай-
то калик к себе в дом». Выставал Илья
на резвы ноги, Отворял ворота
широкие И пускал калик к себе в дом.
Приходили калики перехожие, Они
крест кладут по-писаному, Поклон
ведут по-ученому, Наливают чарочку
питьица медвяного, Подносят-то Илье
Муромцу.

Как выпил-то чару питьица медвяного,
Богатырско его сердце разгорелось,
Его белое тело распотелось.
Воспроговорят калики таковы слова:
«Что чувствуешь в себе, Илья?» Бил
челом Илья, калик поздравствовал;
«Слышу в себе силушку великую».
Говорят калики перехожие:
«Будь ты, Илья, великий богатырь,
И смерть тебе на бою не писана;
Бейся-ратися со всяким богатырем
И со всею паленицею удалою, А
только не выходи драться С
Святогором-богатырем —

Его и земля на себе через силу носит;
Не ходи драться с Самсоном богатырем —
У него на голове семь власов
ангельских; Не бейся и с родом
Микуловым — Его любит матушка сыра
земля; Не ходи още на Вольгу
Сеславьича — Он не силою возьмет, Так
хитростью-мудростью.
Доставай, Илья, коня себе
богатырского, Выходи в раздольице
чисто поле, Покупай первого
жеребчика, Станови его в сруб на три
месяца, Корми его пшеном белояровым.
А пройдет поры-времени три месяца,
Ты по три ночи жеребчика в саду поваживай
И в три росы жеребчика выкатывай, Подводи
его к тыну ко высокому.
Как станет жеребчик через тын
перескакивать И в ту сторону и в другую
сторону, Поезжай на нем, куда хочешь, Будет
носить тебя».
Тут калики потерялися.
Пошел Илья ко родителю ко батюшку
На тую на работу на крестьянскую,
— Очистить надо пал от дубья-
колодья. Он дубье-колодье все
повырубил, В глубоку реку
повыгрузил, А сам и сшел домой.
Выстали отец с матерью от крепкого сна
— испужалися:
«Что это за чудо подеялось?
Кто бы нам это сработал
работушку?» Работа-то была
поделана, И пошли они домой.
Как пришли домой, видят:
Илья Муромец ходит по
избы. Стали его спрашивать,
Как он выздоровел.
Илья и рассказал им,
Как приходили калики перехожие, Поили
его питьицем медвяным — И с того он
стал владать руками и ногами И
силушку получил великую.
Пошел Илья в раздольице чисто поле,
Видит: мужик ведет жеребчика
немудрого, Бурого жеребчика
косматенького. Покупал Илья того
жеребчика, Что запросил мужик, то и дал;
Становил жеребчика в сруб на три месяца,

Кормил его пшеном белояровым,
Поил свежей ключевой водой.
И прошло поры-времени три месяца.
Стал Илья жеребчика по три ночи в саду поваживать,
В три росы его выкатывал;
Подводил ко тыну ко высокому,
И стал бурушко через тын перескакивать
И в ту сторону и в другую сторону.
Тут Илья Муромец Седлал добра коня, зауздывал,
Брал у батюшки, у матушки Прощеньице-
благословеньице И поехал в раздольице чисто поле.

Илья Муромец и Соловей-Разбойник

Из того ли-то из города из Муромля,
Из того села да с Карачарова
Выезжал удаленький дородный добрый молодец;
Он стоял заутреню во Муромли,
А и к обеденке поспеть хотел он в стольный Киев— град,
Да и подъехал он ко славному ко городу к Чернигову.
У того ли города Чернигова
Нагнано-то силушки черным-черно,
А и черным-черно, как черна ворона;
Так пехотою никто тут не похаживат,
На добром кони никто тут не проезживат,
Птица черный ворон не пролетыват,
Серый зверь да не прорыскиват.
А подъехал как ко силушке великой, Он
как стал-то эту силушку великую, Стал
конем топтать да стал копьем колоть,
А и побил он эту силу всю великую.
Он подъехал-то под славный под Чернигов-град.
Выходили мужички да тут черниговски
И отворяли-то ворота во Чернигов-град,
А и зовут его в Чернигов воеводою.
Говорит-то им Илья да таковы слова:
«Ай же мужички да вы черниговски!
Я нейду к вам во Чернигов воеводою.
Укажите мне дорожку прямоезжую,
Прямоезжую да в стольный Киев-град».
Говорили мужички ему черниговски:
«Ты удаленький дородный добрый
молодец, А и ты славныя богатырь
святорусский! Прямоезжая дорожка
заколодела, Заколодела дорожка,
замуравела; А и по той ли по дорожке
прямоезжею Да и пехотою никто да не
прохаживал, На добром кони никто да не
проезживал: Как у той ли-то у грязи-то у
черной, Да у той ли у березы у покляпыя,
Да у той ли речки у Смородины, У того
креста у Леванидова
Сиди Соловей-разбойник во сыром дубу,
Сиди Соловей-разбойник Одихмантьев сын;
А то свищет Соловей да по-соловьему Он
кричит, злодей-разбойник, по-звериному,
И от его ли-то, от посвисту соловьего,
И от его ли-то, от покрику звериною,
То все травушки-муравы уплетаются,

Все лазуревы цветочки отсыпаятся,
Темны лесушки к земли вси приклоняются,
А что есть людей, то все мертвы лежат.
Прямоезжею дороженькой пятьсот есть верст,
А и окольной дорожкой цела тысяща».
Он пустил добра коня да и богатырского.
Он поехал-то дорожкой прямоезжею.
Его добрый конь да богатырский
С горы на гору стал перескакивать,
С холмы на холму стал перемахивать,
Мелки реченьки, озерка промеж ног
спушал. Подъезжает он ко речке ко
Смородинке, Да ко тоей он ко грязи он ко
черной, Да ко тое ко березе ко покляпые, К
тому славному кресту ко Леванидову.
Засвистал-то Соловей да и по-соловьему,
Закричал злодей-разбойник по-звериному,
Так все травушки-муравы уплетались, Да и
лазуревы цветочки отсыпалися, Темны
лесушки к земле вси приклонилися. Его
добрый конь да богатырский, А он на
корзни да потыкается.
А и как старый-от казак да Илья Муромец
Берет плеточку шелковую в белу руку, А
он бил коня а по крутым ребрам; Говорил-
то он, Илья, да таковы слова:
«Ах ты, волчья сыть да и травяной мешок!
Али ты идти не хошь, али нести не мошь?
Что ты на корзни, собака, потыкаешься?
Не слыхал ли посвисту соловьяго, Не
слыхал ли покрику звериного, Не
видал ли ты ударов богатырских?» А
и тут старья казак да Илья Муромец
Да берет-то он свои тугой лук разрывчатый,
Во свои берет во белы он во ручушки, Он
тетивочку шелковеньку натягивал, А он
стрелочку каленую накладывал, То он
стрелил в того Соловья-разбойника, Ему
выбил право око со косицею.
Он спустил-то Соловья да на сыру землю,
Пристегнул его ко правому ко стремечку
булатному, Он повез его по славну по чисту полю,
Мимо гнездышко повез да соловьиное.
В том гнездышке да соловьиноем
А случилось быть да и три дочери,
А и три дочери его любимых;
Больша дочка эта смотрит во окошечко
косящато, Говорит она да таковы слова.
«Едет-то наш батюшка чистым полем,

А сидит-то на добром кони,
Да везет он мужичища-деревенщину,
Да у правого стремени прикована».
Поглядела его друга дочь любимая,
Говорила-то она да таковы слова:
«Едет батюшко раздольцем чистым полем,
Да и везет он мужичища-деревенщину,
Да и ко правому ко стремени прикована».
Поглядела его меньша дочь любимая,
Говорила-то она да таковы слова:
«Едет мужичищо-деревенщина,
Да и сидит, мужик, он на добром кони,
Да и везет-то наша батюшка у стремени,
У булатного у стремени прикована. Ему
выбито-то право око со косицею».
Говорила-то и она да таковы слова. «Ай
же мужевья наши любимые!
Вы берите-тко рогатины звериные,
Да бегите-тко в раздольце чисто поле,
Да вы бейте мужичища-деревенщину!»
Эти мужевья да их любимые, Зятевья то
есть да соловьиные, Похватили как
рогатины звериные Да и бежали-то они
да и во чисто поле К тому ли
мужичищу-деревенщине,
Да хотят убить-то мужичища-деревенщину.
Говорит им Соловей-разбойник Одихмантьев
сын: «Ай же зятевья мои любимые!
Побросайте-тко рогатины звериные,
Вы зовите мужика да деревенщину, В
свое гнездышко зовите соловьиное, Да
кормите его ествушкой сахарною, Да
вы пойте его питьцем медвяным, Да
и дарите ему дары драгоценные». Эти
зятевья да соловьиные Побросали-то
рогатины звериные А и зовут-то
мужика да и деревенщину Во то
гнездышко во соловьиное;
Да и мужик-от-деревенщина не слушатся, А он
едет-то по славному чисту полю, Прямоезжею
дорожкой в стольный Киев-град. Он приехал-то
во славный стольный Киев-град А ко славному
ко князю на широкий двор.
А и Владимир-князь он вышел со Божьей
церкви, Он пришел в палату белокаменну, Во
столовую свою во горенку.
Они сели есть да пить да хлеба
кушати, Хлеба кушати да пообедати.
А и тут старья казак да Илья Муромец

Становил коня да посередь двора,
Сам идет он во палаты белокаменны,
Проходил он во столовую во горенку,
На пяту он дверь-ту поразмахивал,
Крест-от клал он по-писаному,
Вел поклоны по-ученому,
На всё на три, на четыре на сторонки
низко кланялся,
Самому князю Владимиру в особину,
Еще всем его князьям он подколенным.
Тут Владимир-князь стал молодца выпрашивать:
«Ты скажи-тко, ты откулешный, дородный
добрый молодец,
Тобе как-то молодца да именем зовут,
Величают удалого по отечеству?»
Говорил-то старья казак да Илья Муромец:
«Есть я с славного из города из Муромля,
Из того села да с Карачарова,
Есть я старья казак да Илья Муромец,
Илья Муромец да сын Иванович!»
Говорит ему Владимир таковы слова:
«Ай же ты, старья казак да Илья Муромец!
Да и давно ли ты повыехал из Муромля,
И которою дороженькой ты ехал в стольный Киев-
град?» Говорил Илья он таковы слова:
«Ай ты, славныя Владимир стольнокиевский!
Я стоял заутреню христовскую во Муромле,
А и к обеденке поспеть хотел я в стольный Киев-
град, То моя дорожка призамешкалась; А я ехал-то
дорожкой прямоезжею,
Прямоезжею дороженькой я ехал мимо-то Чернигов-
град. Ехал мимо эту грязь да мимо черную, Мимо славну
реченьку Смородину, Мимо славную березу-ту
покляпую, Мимо славный ехал Леванидов крест».

Говорил ему Владимир таковы слова:
«Ай же мужичищо-деревенщина! Во
глазах, мужик, да подлыгаешься, Во
глазах, мужик, да насмехаешься! Как у
славного у города Чернигова Нагнано
тут силы много-множество, То
пехотою никто да не прохаживал,
И на добром коне никто да не проезживал,
Туды серый зверь да не прорыскивал,
Птица черный ворон не пролетывал;
А у той ли-то у грязи-то у черной
Да у славной у речки у Смородины,
А и у той ли у березы у покляпые,
У того креста у Леванидова

Соловей сидит разбойник Одихмантьев сын;
То как свищет Соловей да по-соловьему,
Как кричит злодей-разбойник по-звериному,
То все травушки-муравы уплетаются,
А лазуревы цветки прочь отсыпаются,
Темны лесушки к земли вси приклоняются,
А что есть людей, то вси мертво лежат».
Говорил ему Илья да таковы слова:
«Ты, Владимир-князь да стольнокиевский!
Соловей-разбойник на твоём дворе, Ему
выбито ведь право око со косицею,
И он к стремени булатному прикованный».
То Владимир князь-от стольнокиевский,
Он скорешенько ставал да на резвы ножки,
Кунью шубоньку накинул на одно плечко,
То он шапочку соболью на одно ушко, Он
выходит-то на свой-то на широкий двор
Посмотреть на Соловья-разбойника.
Говорил-то ведь Владимир-князь да таковы
слова: «Засвищи-тко, Соловей, ты по-соловьему,
Закричи-тко, собака, по-звериному».
Говорил-то Соловей ему разбойник
Одихмантьев сын: «Не у вас-то я сегодня, князь, обедаю,
А не вас-то я хочу да и послушати,
Я обедал-то у старого казака Ильи
Муромца, Да его хочу-то я послушати».
Говорил-то как Владимир-князь
да стольнокиевский: «Ай же старья казак ты, Илья
Муромец! Прикажи-тко засвистать ты Соловью да и по-
соловьему, Прикажи-тко закричать да по-звериному».
Говорил Илья да таковы слова:
«Ай же Соловей-разбойник Одихмантьев
сын! Засвищи-тко ты в пол-свисту соловьего,
Закричи-тко ты во пол-крику звериного».
Говорил-то ему Соловей-разбойник Одихмантьев
сын: «Ай же старья казак ты, Илья Муромец, Мои
раночки кровавы запечатались, Да не ходят-то мои
уста сахарные:
Не могу засвистать да и по-соловьему,
Закричать-то не могу я по-звериному,
А и вели-тко князю ты Владимиру
Налить чару мни да зелена вина,
Я повыпью-то как чару зелена вина,
Мои раночки кровавы поразойдутся,
Да уста мои сахарни порасходятся,
Да тогда я засвищу да по-соловьему,
Да тогда я закричу да по-звериному».
Говорил Илья тот князю он Владимиру:
«Ты, Владимир-князь да стольнокиевский!

Ты поди в свою столовую во горенку,
Наливай-ко чару зелена вина,
Ты не малую стопу да полтора ведра,
Подноси-ко к Соловью к разбойнику».
То Владимир-князь да стольнокиевский,
Он скоренько шел в столову свою горенку,
Наливал он чару зелена вина,
Да не малу он стопу да полтора ведра,
Разводил медами он стоялыми,
Приносил-то он ко Соловью-разбойнику.
Соловей-разбойник Одихмантьев сын,
Принял чарочку от князя он одной ручкой,
Выпил чарочку-то Соловей одним духом.
Засвистал как Соловей тут по-соловьему,
Закричал разбойник по-звериному,
Маковки на теремах покривились,
А околенки во теремах рассыпались
От его от посвисту соловьего,
А что есть-то лкэдюшек, так все мертвы лежат;
А Владимир-князь-от стольнокиевский,
Куньей шубонькой он укрывается.
А и тут старый-от казак да Илья Муромец,
Он скорешенько садился на добра коня,
А и он вез-то Соловья да во чисто
поле, И он срубил ему да буйну
голову. Говорил Илья да таковы слова:
«Тебе полно-тко свистать да по-соловьему,
Тебе полно-тко кричать да по-звериному,
Тебе полно-тко слезить да отцей-матерей,
Тебе полно-тко вдовить да жен молодых,
Тебе полно-тко спущать-то сиротать да малых детушек»,
А тут, Соловью, ему и славу поют,
А и славу поют ему век по веку.

Слово о полку Игореве

(В переводе А. Майкова)

«Слово о походе Игоревом, Игоря, сына Святославова, внука Олегова» – известный памятник литературы Киевской Руси. В основе сюжета – неудачный поход русских князей на половцев, предпринятый новгород-северским князем Игорем Святославичем в 1185 году. «Слово» было написано в конце XII века, вскоре после описываемого события (часто датируется тем же 1185 годом, реже 1–2 годами позже).

Проникнутое мотивами славянской народной поэзии с элементами языческой мифологии, по своему художественному языку и литературной значимости «Слово» стоит в ряду крупнейших достижений средневекового эпоса.

«Слово» начинается вступлением – обращением к великому певцу древности Бояну. Вещий Боян, заводя песнь, «растекался мыслию по древу, серым волком по полю кружил, как орел, под облаком парил...». Автор же «Слова», напротив, повествует просто, «по были-нам сего времени». Повесть его разворачивается «от старого Владимира» (Мономаха) «до нынешнего Игоря», который задумал в одиночку, с немногими родичами, вернуть Руси землю половецкую до самого Чёрного моря.

Слово о полку Игореве

О походе Игоревом слово,
Чтоб старинной речью рассказать
Про деянья князя удалого?
А воспеть нам, братия, его —
В похвалу трудам его и ранам —
По былинам времени сего, Не
гоняясь в песне за Бояном. Тот
Боян, исполнен дивных сил,
Приступая к вещему напеву,
Серым волком по полю кружил,
Как орел, под облаком парил,
Растекался мыслию по древу. Жил
он в громе дедовских побед, Знал
немало подвигов и схваток, И на
стадо лебедей чуть свет Выпускал
он соколов десяток. И, встречая в
воздухе врага, Начинали соколы
расправу, И взлетала лебедь в
облака, И трубила славу
Ярославу.

Пела древний киевский престол,
Поединок славил старинный, Где
Мстислав Редедю заколол Перед
всей касожскою дружиной, И
Роману Красному хвалу Пела
лебедь, падая во мглу.

Но не десять соколов пускал
Наш Боян, но, вспомнив дни
былые, Вещие персты он подымал
И на струны возлагал живые. —
Взрагивали струны, трепетали,
Сами князьям славу рокотали.
Мы же по иному замышленью
Эту повесть о године бед Со
времен Владимира княженья
Доведем до Игоревых лет И
прославим Игоря, который,
Напрягая разум, полный сил.
Мужество избрал себе опорой.
Ратным духом сердце поострил
И повел полки родного края.
Половецким землям угрожая. О
Боян, старинный соловей!
Приступая к вещему напеву,
Если б ты о битвах наших дней

Пел, скача по мысленному древу;
Если б ты, взлетев под облака,
Нашу славу с дедовскою славой
Сочетал на долгие века,
Чтоб прославить сына Святослава;
Если б ты Трояновой тропой
Средь полей помчался и курганов, —
Так бы ныне был воспет тобой
Игорь-князь, могучий внук Троянов:
«То не буря соколов несет
За поля широкие и доли,
То не стаи галочки летят
К Дону на великие просторы!» Или так
воспеть тебе, Боян, Внук Велесов, наш
военный стан: «За Сулою кони ржут.

Слава в Киеве звенит,
В Новеграде трубы громкие трубят,
Во Путивле стяги бранные стоят!»

Часть первая

1

Игорь-князь с могучею дружиной
Мила брата Всеволода ждет.
Молвит буй тур Всеволод: «Единый
Ты мне брат, мой Игорь, и оплот!
Дети Святослава мы с тобою,
Так седлай же борзых коней, брат!
А мои, давно готовы к бою,
Возле Курска под седлом стоят.

2

А куряне славные —
Витязи исправные:
Родились под трубами,
Росли под шеломами,
Выросли как воины, С
конца копья вскормлены.
Все пути им ведомы, Все
яруги знаемы, Луки их
натянуты, Колчаны
отворены, Сабли их
наточены, Шеломы
позолочены.
Сами скачут по полю волками
И, всегда готовые к борьбе,

Добывают острыми мечами
Князю – славы, почестей – себе!»

3

Но, взглянув на солнце в этот день,
Подивился Игорь на светило:
Середь бела дня ночная тень
Ополченья русские покрыла.
И, не зная, что сулит судьбина.
Князь промолвил: «Братья и дружина!
Лучше быть убиту от мечей.
Чем от рук поганых полонёну!
Сядем, братья, на лихих коней
Да посмотрим синего мы Дону!»
Вспала князю эта мысль на ум —
Искусить неведомого края,
И сказал он, полон ратных дум,
Знаменьем небес пренебрегая:
«Копие хочу я преломить В
половецком поле незнакомом,
С вами, братья, голову сложить
Либо Дону зачерпнуть шеломом!»

4

Игорь-князь во злат стремя вступает.
В чистое он поле выезжает. Солнце
тьмою путь ему закрыло, Ночь
грозою птиц перебудила, Свист
зверей несется, полон гнева, Кличет
Див над ним с вершины древа,
Кличет Див, как половец в дозоре, За
Суду, на Сурож, на Поморье,
Корсуню и всей округе ханской, И
тебе, болван тмутороканский!

5

И бегут, слышав о набеге,
Половцы сквозь степи и яруги,
И скрипят их старые телеги,
Голосят, как лебеди в испуге.
Игорь к Дону движется с полками,
А беда несется вслед за ним:
Птицы, поднимаясь над дубами,
Реют с криком жалобным своим.
По оврагам волки завывают, Крик
орлов доносится из мглы — Знать,
на кости русские скликают Зверя
кровожадные орлы; Уж лиса на
щит червлёный брешет,

Стон и скрежет в сумраке ночном...
О Русская земля!
Ты уже за холмом.

6

Долго длится ночь. Но засветился
Утренними зорями восток.
Уж туман над полем за клубился,
Говор галок в роще пробудился,
Соловьиный щекот приумолк.
Русичи, сомкнув щиты рядами,
К славной изготовились борьбе,
Добывая острыми мечами Князю
– славы, почестей – себе.

7

На рассвете, в пятницу, в туманах,
Стрелами по полю полетев,
Смяло войско половцев поганых
И умчало половецких дев.
Захватили золота без счета,
Грудю аксамитов и шелков,
Вымостили топкие болота
Япанчами красными врагов.
А червлёный стяг с хоругвью белой,
Челку и копье из серебра Взял в
награду Святославич смелый, Не
желая прочего добра.

8

Выбрав в поле место для ночлега
И нуждаясь в отдыхе давно,
Спит гнездо бесстрашное Олега —
Далеко подвинулось оно!
Залетело, храброе, далече,
И никто ему не господин —
Будь то сокол, будь то гордый кречет.
Будь то черный ворон – половчин.
А в степи, с ордой своею дикой
Серым волком рыская чуть свет,
Старый Гзак на Дон бежит великий,
И Кончак спешит ему вослед.

9

Ночь прошла, и кровавые зори
Возвещают бедствие с утра.
Туча надвигается от моря
На четыре княжеских шатра.
Чтоб четыре солнца не сверкали,

Освещая Игореву рать,
Быть сегодня грому на Каяле,
Лить дождю и стрелами хлестать!
Уж трепещут синие зарницы,
Вспыхивают молнии кругом.
Вот где копьям русским преломиться.
Вот где саблям острым притупиться,
Загремев о вражеский шелом!
О Русская земля!
Ты уже за холмом.

10

Вот Стрибожьи вылетели внуки —
Зашумели ветры у реки,
И взметнули вражеские луки Тучу
стрел на русские полки. Стоном
стонет мать-земля сырая, Мутно
реки быстрые текут, Пыль
несется, поле покрывая. Стяги
плещут: половцы идут!
С Дона, с моря с криками и с воем
Валит враг, но, полон ратных сил,
Русский стан сомкнулся перед боем
Щит к щиту – и степь загородил.

11

Славный яр тур Всеволод! С полками
В обороне крепко ты стоишь,
Прыщешь стрелы, острыми клинками
О шеломы ратные гремишь.
Где ты ни проскачешь, тур,
шеломом Золотым посвечивая, там
Шишаки земель аварских с громом
Падают, разбиты пополам.
И слетают головы с поганых,
Саблями порублены в бою.
И тебе ли, тур, скорбеть о ранах,
Если жизнь не ценишь ты свою!
Если ты на ратном этом поле
Позабыл о славе прежних дней, О
златом черниговском престоле, О
желанной Глебовне своей!

12

Были, братья, времена Трояна,
Миновали Ярослава годы,
Позабылись правнуками рано
Грозные Олеговы походы.
Тот Олег мечом ковал крамолу,

Пробираясь к отчему престолу,
Сеял стрелы и, готовясь к брани,
В злат стремя вступал в Тмуторокани,
В злат стремя вступал, готовясь к
сече. Звон тот слушал Всеволод далече,
А Владимир за своей стеною Уши
затыкал перед бедою.

13

А Борису, сыну Вячеслава,
Зелен саван у Канина брега
Присудила воинская слава
За обиду храброго Олега.
На такой же горестной Каяле,
Укрепив носилки между вьюков,
Святополк отца увез в печали, На
конях угорских убаюкав. Прозван
Гориславичем в народе, Князь Олег
пришел на Русь как враг. Внук
Дажьбога бедствовал в походе, Век
людской в крамолах стал недолог. И
не стало жизни нам богатой, Редко в
поле выходил оратай, Вороны над
пашнями кружились, На убитых с
криками садились, Да слетались
галки на беседу, Собираясь стаями к
обеду... Много битв в те годы
отзвучало.
Но такой, как эта, не бывало.

14

Уж с утра до вечера и снова
С вечера до самого утра
Бьется войско князя удалого,
И растет кровавых тел гора.
День и ночь над полем незнакомым
Стрелы половецкие свистят, Сабли
ударяют по шеломам, Копья
харалужные трещат. Мертвыми
усеяно костями, Далеко от крови
почернев, Задымилось поле под
ногами, И взошел великими
скорбями На Руси кровавый тот
посев.

15

Что там шумит,
Что там звенит
Далеко во мгле, перед зарею?

Игорь, весь израненный, спешит
Беглецов вернуть обратно к бою.
Не удержишь вражескую рать!
Жалко брата Игорю терять.
Бились день. рубились день-другой,
В третий день к полудню стяги
пали, И расстался с братом брат
родной На реке кровавой, на Каяле.
Недостало русичам вина.
Славный пир дружины завершили
— Напоили сватов допьяна, Да и
сами головы сложили.
Степь поникла, жалости полна,
И деревья ветви приклонили.

16

И настала тяжкая година,
Поглотила русичей чужбина,
Поднялась Обида от курганов
И вступила девой в край Троянов.
Крыльями лебяжьими всплеснула,
Дон и море оглашая криком,
Времена довольства пошатнула,
Возвестив о бедствии великом.
А князья дружин не собирают.
Не идут войной на супостата,
Малое великим называют
И куют крамолу брат на брата.
А враги на Русь несутся тучей,
И повсюду бедствие и горе.
Далеко ты, сокол наш могучий,
Птиц бия, ушел на сине море!

17

Не воскреснуть Игоря дружине,
Не подняться после грозной сечи!
И явилась Карна и в кручине
Смертный вопль исторгла, и далече
Заметалась Желя по дорогам,
Потряся искрометным рогом.
И от края, братья, и до края
Пали жены русские, рыдая:
«Уж не видеть милых лад нам боле!
Кто разбудит их на ратном поле?
Их теперь нам мыслию не смыслить,
Их теперь нам думою не сдумать,
И не жить нам в тереме богатом,
Не звенеть нам серебром да златом!»

18

Стонет, братья, Киев над горою,
Тяжела Чернигову напасть,
И печаль обильною рекою
По селеньям русским разлилась.
И нависли половцы над нами,
Дань берут по белке со двора,
И растет крамола меж князьями,
И не видно от князей добра.

19

Игорь-князь и Всеволод отважный
Святослава храбрые сыны —
Вот ведь кто с дружиною бесстрашной
Разбудил поганых для войны!
А давно ли, мощною рукою За
обиды наших покарав, Это зло
великое грозою Усыпил отец их,
Святослав! Был он грозен в
Киеве с врагами И поганых
ратей не щадил — Устрашил их
сильными полками, Порубил
булатными мечами И на Степь
ногою наступил. Потоптал
холмы он и яруги, Возмутил
теченье быстрых рек, Исушил
болотные округи, Степь до
лукоморья пересек.
А того поганого Кобяка
Из железных вражеских рядов
Вихрем вырвал – и упал, собака,
В Киеве, у княжьих теремов.

20

Венецейцы, греки и морава
Что ни день о русичах поют,
Величают князя Святослава.
Игоря отважного клянут.
И смеется гость земли немецкой,
Что, когда не стало больше сил.
Игорь-князь в Каяле половецкой
Русские богатства утопил.
И бежит молва про удалого,
Будто он, на Русь накликав зло.
Из седла, несчастный, золотого
Пересел в кощеево седло...
Приумолкли города, и снова На
Руси веселье полегло.

Часть вторая

Место действия «Слова» переносится в Киев. Иностранцы (немцы, венецианцы, греки и мораване) живо сочувствуют удачам Святослава и несчастью Игоря. Следует «мутень сонъ» великого князя Святослава, объяснение его боярами и «золотое слово» Святослава. Снилось князю в «тереме златоверхом», что треснула балка над ним, закаркали вороны и понеслись к морю с Оболони. А самого князя стали готовить к погребению: на кровати тисовой «покрывали черной пеленою», стали оплакивать «синим вином с трупом смешан-ным», стали сыпать крупный жемчуг – слёзы на лоно. И сказали бояре князю: «горе твое от того, что два сокола слетели с золотого стола отцовского; соколов захватили в железные путины и подрезали им крылья саблями поганых». Четыре князя попали в плен: Игорь, Все-волод, Святослав Ольгович и Владимир Игоревич. Речь бояр переходит в образный, картин-ный плач. Тогда великий князь Святослав изрекает своё «золотое слово», упрекая Игоря и Всеволода за излишнюю самонадеянность.

1

В Киеве далеком, на горах,
Смутный сон приснился
Святославу, И обьял его великий
страх, И собрал бояр он по уставу.
«С вечера до нынешнего дня, —
Молвил князь, поникнув головою,
— На кровати тисовой меня
Покрывали черной пеленою.
Черпали мне синее вино, Горькое
отравленное зелье, Сыпали жемчуг
на полотно Из колчанов вражьего
изделя. Златоверхий терем мой
стоял Без конька, и, предвещая горе,
Вражий ворон в Плесенске кричал И
летел, шумя, на сине море».

2

И бояре князю отвечали:
«Смутен ум твой, княже, от печали.
Не твои ль два сокола, два чада
Поднялись над полем незнакомым
Поискать Тмуторокани-града
Либо Дону зачерпнуть шеломом?
Да напрасны были их усилья.
Посмеявшись на твои седины,
Подрубили половцы им крылья,
А самих опутали в путины».

3

В третий день окончилась борьба
На реке кровавой, на Каяле,

И погасли в небе два столба, Два
светила в сумраке пропали.
Вместе с ними, за море упав, Два
прекрасных месяца затмились
Молодой Олег и Святослав В
темноту ночную погрузились.
И закрылось небо, и погас
Белый свет над Русскою землею,
И, как барсы лютые, на нас
Кинулись поганые с войною.
И воздвиглась на Хвалу Хула,
И на волю вырвалось Насилье,
Прянул Див на землю, и была
Ночь кругом и горя изобилье:

4

Девы готские у края
Моря синего живут.
Русским золотом играя,
Время Бусово поют.
Мечь лелеют Шаруканью,
Нет конца их ликованью...
Нас же, братия-дружина,
Только беды стерегут.

5

И тогда великий Святослав
Изронил свое златое слово. Со
слезами смешано, сказав: «О сыны,
не ждал я зла такого! Загубили
юность вы свою, На врага не
вовремя напали, Не с великой
честию в бою Вражью кровь на
землю проливали. Ваше сердце в
кованой броне Закалилось в
буйстве самочинном. Что ж вы,
дети, натворили мне
И моим серебряным седидам?
Где мой брат, мой грозный Ярослав,
Где его черниговские слуги,
Где татраны, жители дубрав,
Топчаки, ольберы и ревуги?
А ведь было время – без щитов.
Выхватив ножи из голенища, Шли
они на полчища врагов, Чтоб
отметить за наши пепелища. Вот
где славы прадедовской гром! Вы
ж решили бить наудалую: „Нашу
славу силой мы возьмем,

А за ней поделим и былую“. Диво
ль старцу – мне помолодеть?
Старый сокол, хоть и слаб он с
виду, Высоко заставит птиц лететь,
Никому не даст гнезда в обиду.
Да князья помочь мне не хотят,
Мало толку в силе молодецкой.
Время, что ли. двинулось назад?
Ведь под самым Римовом кричат
Русичи под саблей половецкой!
И Владимир в ранах, чуть живой, —
Горе князю в сече боевой!»

6

Князь великий Всеволод! Доколе
Муки нам великие терпеть?
Не тебе ль на суздальском престоле
О престоле отчет порадеть?
Ты и Волгу веслами расплещешь,
Ты шеломом вычерпаешь Дон,
Из живых ты луков стрелы мечешь,
Сыновьями Глеба окружен.
Если б ты привел на помощь рати,
Чтоб врага не выпустить из рук, —
Продавали б девок по ногате,
А рабов – по резани на круг.

7

Вы, князья буй Рюрик и Давид!
Смолкли ваши воинские громы.
А не ваши ль плавали в крови
Золотом покрытые шелома? И не
ваши ль храбрые полки Рыкают,
как туры, умирая От каленой
сабли, от руки Ратника неведомого
края? Встаньте, государи, в злат
стремень За обиду в этот черный
день, За Русскую землю, За
Игoreвы раны — Удалого сына
Святославича!

8

Ярослав, князь Галицкий! Твой град
Высоко стоит под облаками.
Оседлал вершины ты Карпат
И подпер железными полками. На
своем престоле золотом Восемь дел
ты, князь, решаешь разом,

И народ зовет тебя кругом
Осмомыслом – за великий разум.
Дверь Дуная заперев на ключ,
Королю дорогу заступая, Бремена
ты мечешь выше туч, Суд
вершишь до самого Дуная. Власть
твоя по землям потекла. В
киевскиеходишь ты пределы,
И в салтанов с отчего стола
Ты пускаешь княжеские стрелы.
Так стреляй в Кончака. государь,
С дальних гор на ворога
ударь За Русскую землю, За
Игоревы раны — Удалого
сына Святославича!

9

Вы, князья Мстислав и буй Роман!
Мчит ваш ум на подвиг мысль живая,
И несетесь вы на вражий стан,
Соколом ширяясь сквозь туман,
Птицу в буйстве одолеть желая.
Вся в железе княжеская грудь,
Золотом шелом латинский блещет,
И повсюду, где лежит ваш путь,
Вся земля от тяжести трепещет.
Хинову вы били и Литву;
Деремела, половцы, ятвяги,
Бросив копья, пали на траву
И склонили буйную главу
Под мечи булатные и стяги.

10

Но уж прежней славы больше с нами нет.
Уж не светит Игорю солнца ясный свет.
Не ко благу дерево листья уронило:
Поганое войско грады поделило.
По Суле, по Роси счету нет врагу.
Не воскреснуть Игореву храброму полку!
Дон зовет нас, княже, кличет нас с тобой!
Ольговичи храбрые одни вступили в бой.

11

Князь Ингварь, князь Всеволод!
И вас Мы зовем для дальнего
похода, Трое ведь Мстиславичей у
нас, Шестокрыльцев княжеского
рода! Не в бою ли вы себе честном
Города и волости достали?

Где же ваш отеческий шелом,
Верный щит, копьё из ляшской стали?
Чтоб ворота Полю запереть,
Вашим стрелам время зазвенеть
За Русскую землю,
За Игоревы раны —
Удалого сына Святославича!

12

Уж не течет серебряной струею
К Переяславлю-городу Сула. Уже
Двина за полоцкой стеною Под
клик поганых в топи утекла. Но
Изяслав, Васильков сын, мечами В
литовские шеломы позвонил, Один
с своими храбрыми полками
Всеславу-деду славы прирубил.
И сам, прирублен саблею каленой, В
чужом краю, среди кровавых трав,
Кипучей кровью в битве обогранный,
Упал на щит червлёный, простонав:
«Твою дружину, княже. приодели
Лишь птичьи крылья у степных
дорог, И полизали кровь на юном
теле Лесные звери, выйдя из берлог».
И в смертный час на помощь храбру
мужу Никто из братьев в бой не
поспешил. Один в степи свою жемчужну
душу Из храброго он тела изронил.
Через золотое, братья, ожерелье
Ушла она. покинув свой приют.
Печальны песни, замерло веселье,
Лишь трубы городенские поют...

13

Ярослав и правнуки Всеслава!
Преклоните стяги! Бросьте меч!
Вы из древней выскочили славы,
Коль решили честью пренебречь.
Это вы раздорами и смутой
К нам на Русь поганых завели,
И с тех пор житья нам нет от лютой
Половецкой проклятой земли!

14

Шел седьмой по счету век Троянов.
Князь могучий полоцкий Всеслав
Кинул жребий, в будущее глянув,
О своей любимой загадав.

Замышляя новую крамолу,
Он опору в Киеве нашел,
И примчался к древнему престолу,
И копьём ударил о престол.
Но не дрогнул старый княжий терем.
И Всеслав, повиснув в синей мгле,
Выскочил из Белгорода зверем —
Не жилец на киевской земле.
И, звеня секирами на славу,
Двери новгородские открыл,
И расшиб он славу Ярославу,
И с Дудуток через лес-дубраву До
Немиги волком проскочил. А на
речке, братья, на Немиге Княжью
честь в обиду не дают: День и ночь
снопы кладут на риге — Не снопы, а
головы кладут.
Не цепом – мечом своим булатным
В том краю молотит земледел,
И кладет он жизнь на поле
ратном, Веет душу из кровавых
тел. Берега Немиги той проклятой
Почернели от кровавых трав —
Не добром засеял их оратай, А
костями русскими – Всеслав.

15

Тот Всеслав людей судом судил,
Города Всеслав князьям делил,
Сам всю ночь, как зверь, блуждал в тумане.
Вечер – в Киеве, до зорь – в Тмуторокани,
Словно волк, напав на верный путь.
Мог он Хорсу бег пересечь.

16

У Софии в Полоцке, бывало,
Позвонят к заутрене, а он В
Киеве, едва заря настала,
Колокольный слышит
перезвон. И хотя в его могучем
теле Обитала вещая душа, Все
ж страданья князя одолели, И
погиб он, местию дыша.
Так свершил он путь свой
небывалый. И сказал Боян ему тогда:
«Князь Всеслав! Ни мудрый, ни
удалый Не минуют божьего суда».

17

О, стонать тебе, земля родная,
Прежние години вспоминая
И князей давно минувших лет!
Старого Владимира уж нет. Был
он храбр, и никакая сила К
Киеву б его не пригвоздила. Кто
же стяги древние хранит? Эти –
Рюрик носит, те – Давыд, Но не
вместе их знамена плещут,
Врозь поют их копия и блещут.

Часть третья

Ярославна, жена князя Игоря, рано плачет в Путивле на городской стене, ее голос слышится на Дунае. Ярославна жалуется ветру – что он ее веселье по степи развеял? Просит Днепр-Славутич вернуть ей любимого человека. Взывает к светлому и трисветлому солнцу: «Что ж ты войско князя удалое жаркими лучами обожгло?»

1

Над широким берегом Дуная,
Над великой Галицкой землей
Плачет, из Путивля долетая.
Голос Ярославны молодой;
«Обернусь я, бедная, кукушкой,
По Дунаю-речке полечу
И рукав с бобровою опушкой,
Наклонясь, в Каяле омочу.
Улетят, развеются туманы,
Приоткроет очи Игорь-князь,
И утру кровавые я раны,
Над могучим телом наклонясь».
Далеко в Путивле, на забрале,
Лишь заря займется поутру,
Ярославна, полная печали,
Как кукушка, кличет на юру:
«Что ты, Ветер, злобно повеваешь,
Что клубишь туманы у реки,
Стрелы половецкие вздымаешь,
Мечешь их на русские полки?
Чем тебе не любо на просторе
Высоко под облаком летать,
Корабли лелеять в синем море,
За кормою волны колыхать?
Ты же, стрелы вражеские сея,
Только смертью веешь с высоты.
Ах, зачем, зачем мое веселье
В ковылях навек развеял ты?»
На заре в Путивле причитая,

Как кукушка раннею весной,
Ярославна кличет молодая,
На стене рыдая городской:
«Днепр мой славный! Каменные горы
В землях половецких ты пробил,
Святослава в дальние просторы
До полков Кобяковых носил.
Возлелей же князя, господине,
Сохрани на дальней стороне,
Чтоб забыла слезы я отныне,
Чтобы жив вернулся он ко мне!»
Далеко в Путивле, на забрале,
Лишь заря займется поутру,
Ярославна, полная печали, Как
кукушка, кличет на юру:
«Солнце трижды светлое! С
тобою Каждому приветно и тепло.
Что ж ты войско князя удалое
Жаркими лучами обожгло?
И зачем в пустыне ты безводной
Под ударом грозных половчан
Жаждою стянуло лук походный,
Горем переполнило колчан?»

2

И взыграло море. Сквозь туман
Вихрь промчался к северу родному
— Сам господь из половецких стран
Князю путь указывает к дому.
Уж погасли зори. Игорь спит —
Дремлет Игорь, но не засыпает.
Игорь к Дону мыслями летит,
До Донца дорогу измеряет.
Вот уж полночь. Конь давно готов.
Кто свистит в тумане за рекою? То
Овлур. Его условный зов Слышит
князь, укрытый темнотою:
«Выходи, князь Игорь!» И едва
Смолк Овлур, как от ночного гула
Вздрогнула земля, Зашумела
трава, Буйным ветром вежи
всколыхнуло.
В горностая-белку обратясь,
К тростникам помчался Игорь-князь
И поплыл, как гоголь, по волне,
Полетел, как ветер, на коне. Конь
упал, и князь с коня долой,
Серым волком скачет он домой.
Словно сокол, вьется в облака,

Увидав Донец издалека.
Без дорог летит и без путей,
Бьет к обеду уток-лебедей.
Там, где Игорь соколом летит,
Там Овлур, как серый волк, бежит,
Все в росе от полуночных трав,
Борзых коней в беге надорвав.

3

Уж не каркнет ворон в поле,
Уж не крикнет галка там.
Не трещат сороки боле,
Только скачут по кустам.
Дятлы. Игоря встречая.
Стуком кажут путь к реке,
И, рассвет веселый возвещая.
Соловьи ликуют вдалеке.

4

И, на волнах витязя лелея.
Рек Донец: «Велик ты, Игорь-князь!
Русским землям ты принес веселье,
Из неволи к дому возвратись». —
«О река! – ответил князь, – немало
И тебе величья! В час ночной
Ты на волнах Игоря качала,
Берег свой серебряный устлала
Для него зеленою травой.
И, когда дремал он под листвою,
Где царила сумрачная мгла, Страж
ему был гоголь над водою. Чайка
князя в небе стерегла.

5

А не всем рекам такая слава.
Вот Стугна, худой имея нрав,
Разлилась близ устья величаво,
Все ручьи соседние пожрав.
И закрыла Днепр от Ростислава,
И погиб в пучине Ростислав.
Плачет мать над темною рекою,
Кличет сына-юношу во мгле, И
цветы поникли, и с тоскою
Приклонилось дерево к земле».

6

Не сороки во поле стрекочут,
Не вороны кличут у Донца —
Кони половецкие топочут,

Гзак с Кончаком ищут беглеца.
И сказал Кончаку старый Гзак:
«Если сокол улетает в терем,
Соколенок попадет впросак —
Золотой стрелой его подстрелим».
И тогда сказал ему Кончак:
«Если сокол к терему стремится,
Соколенок попадет впросак —
Мы его опутаем девицей». —
«Коль его опутаем девицей, —
Отвечал Кончаку старый Гзак, —
Он с девицей в терем свой умчится,
И начнет нас бить любая птица
В половецком поле, хан Кончак!»

7

И изрек Боян, чем кончить речь
Песнотворцу князя Святослава:
«Тяжко, братья, голове без плеч,
Горько телу, коль оно безглаво».
Мрак стоит над Русскою землей:
Горько ей без Игоря одной.

8

Но восходит солнце в небеси —
Игорь-князь явился на Руси.
Вьются песни с дальнего Дуная,
Через море в Киев долетая.
По Боричеву восходит удалой
К Пирогощей богородице
святой. И страны рады, И веселы
грады.
Пели песню старым мы князьям,
Молодых настало время славить
нам: Слава князю Игорю, Буй тур
Всеволоду, Владимиру Игоревичу!

Слава всем, кто, не жалея сил.
За христиан полки поганых бил!
Здрав будь, князь, и вся дружина
здрава! Слава князьям и дружине слава!

Отечественная война 1812 года

На рассвете 24 (12 по старому стилю) июня 1812 года войска Наполеона без объявления войны переправились через реку Неман и вторглись в пределы России. «Великая армия» (так сам Наполеон называл свое войско), насчитывала свыше 600 тысяч человек и 1420 орудий. Помимо французов в нее входили национальные корпуса европейских стран, покоренных Наполеоном, а также польский корпус маршала Ю. Понятовского.

Наполеон планировал завершить кампанию за три года: в 1812 году овладеть западными губерниями от Риги до Луцка, в 1813 году – Москвой, а в 1814 году – и Санкт-Петербургом. Такая постепенность позволила бы ему расчленить Россию, обеспечив тылы и коммуникации армии, действующей на огромных пространствах. Сорвав стратегический план Наполеона, русское командование начало отход вглубь страны. Вместо поэтапного расчленения России французский полководец был вынужден двигаться за ускользающими русскими армиями вглубь страны, растягивая коммуникации и теряя превосходство в силах.

Переломным сражением в ходе войны стала битва при Бородино. Несмотря на поражение русской армии, французские войска понесли сокрушительные потери – 58 тысяч человек. На военном совете в деревне Филя Михаил Илларионович Кутузов принял тяжелое решение – оставить Москву французам: «С потерей Москвы не потеряна еще Россия. Первою обязанностью ставлю себе сохранить армию, сблизиться с теми войсками, которые идут на подкрепление, и самым уступлением Москвы приготовить неизбежную гибель неприятелю». Город был оставлен населением. Ни продовольствия, ни отдыха в захваченном городе французы не получили: Москва горела.

Г. Р. Державин

Гимн лиро-эпический на прогнание французов из отечества

отрывки

Что ж в сердце чувствую тоску
И грусть в душе моей смертельную?
Разрушенну и обгащенну Под
пеплом в дыме зрю Москву,
О страх! о скорбь! Но свет с эмпира
Объял мой дух, – отблещет лира;
Восторг пленит, живит, бодрит
И тлен земной забыть велит,
«Пой! – мир гласит мне горний, дольний, —
И оправдай судьбы господни».
Открылась тайн священных дверь!
Ишел из бездн огромный зверь,
Дракон иль демон змеевидный;
Вокруг его ехидны Со крыльев
смерть и смрад трясут, Рогами
солнце прут;
Отенетяя вкруг всю ошибками
сферу, Горящу в воздух прыщут
серу, Холмят дыханьем понт, Льют
ночь на горизонт
И движут ось всея вселенны.
Бегут все смертные смятенны
От князя тьмы и крокодильных стад.
Они режут, свистят и всех страшат;
А только агнец белорунный,
Смиранный, кроткий, но
челоперунный, Восстал на Севере один,
— Исчез змей-исполин!
Что се? Стихий ли борьба?
Брань с светом тьмы? добра со злобой?
Иль так рожденный утробой Коварств
крамола, лезть, татьба В ад сверглись
громом с князем бездны, Которым
трепетал свод звездный, Лишались
солнца их лучей?
От пламенных его очей Багрели
горы, рдело море, И след его
был плач, стон, горе!.. И бог
сорвал с него свой луч:

Тогда средь бурных, мрачных туч
Неистойой своей гордыни,
И дома благостыни Смердя
своими надписями, А
алтари коньми
Он поругал. Тут все в нем чувства
закричали, Огнями надписи вспыхнули,
Иsslали храмы стон,—
И обезумел он.
Сим предузнав свое он горе,
Что царство пройдет его вскоре,
Не мог уже в Москве своих снести зол,
Решился убежать, зажег, ушел;
Вторым став Навходоносором,
Кровавы угли вокруг бросая взором,
Лил пену с челюстей, как вепрь,
И ринулся в мрак дебрь.
Но, Муза! таинственный глагол
Оставь, – и возгреми трубою,
Как твердой грудью и душою
Росс, ополчась, на галла шел;
Как Запад с Севером сражался,
И гром о громы ударялся,
И молнии с молниями секлись,
И небо и земля тряслись
На Бородинском поле страшном,
На Малоярославском, Красном.
Там штык с штыком, рой с роем пуль,
Ядро с ядром и бомба с бомбой,
Жужжа, свища, сшибались с злобой,
И меч, о меч звуча, слал гул; Там
всадники, как вихри бурны,
Темнили пылью свод лазурный;
Там бледна смерть с косой в
руках, Скрежещуща, в единый
мах Полки, как класы, посекала
И трупы по полям бросала...
Какая честь из рода в род
России, слава незабвенна,
Что ей избавлена вселенна
От новых Тамерлана орд!
Цари Европы и народы!
Как бурны вы стремились воды,
Чтоб поглотить край росса весь;
Но буйные! где сами днесь?
Почто вы спяща льва будили,
Чтобы узнал свои он силы?
Почто вмешались в сонм вы
злых И, с нами разорвав союзы,

Грабителям поверглись в узы
И сами укрепили их?
Где царственны, народны нравы?
Где, где германски честны нравы?
Друзья мы были вам всегда,
За вас сражались иногда;
Но вы, забыв и клятвы святы,
Ползли грызть тайно наши пяты.
О новый Вавилон, Париж!
О град мятежничьих жилищ,
Где бога нет, кроме злата,
Соблазнов и разврата; Где
самолюбью на алтарь Все,
все приносят в дар!
Быв чуждых царств не сыт, ты шел с
Наполеоном, Неизмеримым небосклоном России
повратить, Полсвета огорстить.

Хоть прелестей твоих уставы
Давно уж чли венцом мы славы;
Но, не довольствуясь слепить
умом, Ты мнил попрасть нас и
мечом, Забыв, что северные силы
Всегда на Запад ужас наносили...
О росс! о добльственный народ,
Единственный, великодушный,
Великий, сильный, славой звучный,
Изящностью своих доброт!
По мышцам ты неутомимый,
По духу ты непобедимый,
По сердцу прост, по чувству добр,
Ты в счастье тих, в несчастье бодр,
Царю радушен, благороден,
В терпении лишь себе подобен.
Красуйся ж и ликуй, герой, Что в
нынешнем ты страшном бедстве
В себе и всем твоим наследстве
Дал свету дух твой знать прямой!
Лобзайте, родши, чад, их – чада,
Что в вас отечеству ограда
Была взаимна от врагов;
Целуйте, девы, женихов,
Мужей супруги, сестры братья,
Что был всяк тверд среди несчастья.
И вы, Гесперья, Альбион,
Внемлите: пал Наполеон!
Без нас вы рано или поздно,
Но понесли бы грозно, Как
все несут, его ярмо,—

Уж близилось оно;
Но мы, как холмы, быв внутри жуплом наполнены,
На нас налегший облак черный
Сдержав на раменах,
Огонь дхнули, – пал он в прах.
С гиганта ребр в Версальи трески, А с
наших рук вам слышны плески: То в
общем, славном торжестве таком Не
должны ли и общих хвал венцом Мы
читать героев превосходных, Душою
россов твердых, благородных? О, как
мне мил их взор, их слух! Пленен мой
ими дух!
И се, как въяве вижу сон, Ношуся
вне пределов мира, Где в голубых
полях эфира Витает вождей русских
сонм. Меж ими там в беседе райской
Рымникский, Таврский,
Задунайский Между собою говорят:

«О, как венец светлей стократ,
Что дан не царств за расширение,
А за отечества спасенье!
Мамай, Желковский, Карл путь
свят К бессмертью подали прямому
Петру, Пожарскому, Донскому;
Кутузову днесь – Бонапарт.
Доколь Москва, Непрядва и Полтава
Течь будут, их не умрет слава.
Как воин, что в бою не пал, Еще хвал
вечных не стяжал; Так громок стран
пусть покоритель, Но лишь велик их
свят спаситель». По правде вечности
лучей Достойны войны наших дней.
Смоленский князь, вождь
дальновидный, Не зря на толк обидный,
Великий ум в себе являл, Без крови
поражал

И в бранной хитрости противника, без лести,
Превысил Фабия он в чести.
Витгенштейн легче бить
Умел, чем отходить
Средь самых пылких, бранных споров,
Быв смел как лев, быстр как Суворов.
Вождь не предзримый, гром как с
облаков, Слетал на вражий стан, на тыл –
Платов. Но как исчислить всех героев,
Живых и падших с славою средь боев?

Почтим Багратионов прах—
Он жив у нас в сердцах!
Се бранных подвигов венец!
И разность меж Багратионом По
смерти в чем с Наполеоном? Не в
чувстве ль праведных сердец? Для
них не больше ль знаменитый
Слезой, чем клятвами покрытый?
Так! мерил мерой кто какой,
И сам возмерен будет той.
Нам правда божия явила,
Какая галлов казнь постигла.
О полный чудесами век!
О мира колесо превратно!
Давно ль страшилище ужасно
На нас со всей Европой тек! Но
где днесь добычи богаты? Где
мудрые вожди, тристаты? Где
победитель в торжествах? Где
гений, блещущий в лучах? Не
здесь ли им урок в ученье,
Чтоб царств не льститься на
хищенье? О, так! блаженство
смертных в том, Чтоб действовать
всегда во всем Лишь с
справедливостью согласно, Так
мыслить беспристрастно, Что мы чего
себе хотим, Того желать другим...
Отца отечества несметны попеченьи
Скорбей прогонят наших тени;
Художеств сонм, наук, Торгов, лир
громких звук, Все возвратятся в их
жилищи; Свое и чуждо племя пищи
Придут, как под смоковницей,
искать
И словом: быв градов всех русских
мать, Москва по-прежнему восстанет Из
пепла, зданьем велелепным станет, Как
феникс, снова процветать, Венцом средь
звезд блистать.
...И из страны Российской всей
Печаль и скорби изженутся, В
ней токи крови не прольются,
Не канут слезы из очей; От
солнца пахарь не сожжется, От
мраза бедный не согнется;
Сады и нивы плод дадут, Моря
чрез горы длань прострут,
Ключи с ключами сожурчатся,

По рощам песни огласятся.
Но солнце! мой вечерний луч!
Уже за холмы синих туч
Спускаешься ты в темны бездны,
Твой тускнет блеск любезный
Среди лиловых мгlistых зарь,
И мой уж гаснет жар;
Холодна старость – дух, у лиры – глас
отъемлет, Екатерины Муза дремлет: То юного
царя
Днесь вслед орлов паря,
Предшествующих благ виденья,
Что мною в день его рожденья
Предречено, достойно петь
Я не могу; младым певцам греметь
Мои вверяю ветхи струны...

1812–1813

Ода на смерть фельдмаршала князя Смоленского

апреля в 16 день 1813 года (в сокращении)

Отколе пал внезапно гром
И молния покрылась паром?
Грохочет всюду гул кругом!
Каким гордится смерть ударом,
Что дрогнула твоя коса?
Давно ль, давно ль, страна преславна,
В блаженстве царствовала ты!
Где ж красота твоя державна?
Не тот и взор, не те черты!
Отколь там грусть, где дух великий?
Военный гений твой в слезах.
В густом тумане ратна сила,
Всеобща скорбь слышна в речах,
По лаврам ты идешь уныло!
Где сын твой, где бессмертный вождь?..
Откликнись, вождь наш несравненный!
Осиротел твой меч в ножнах!
На твой лежащий шлем священный
Уже валяются ржа и прах!
Не спишь ли ты в сияньи славы?..
Проснись... Но что?.. Желанья
тщетны! Молчит весь мир на голос
мой! Ссеченный дуб наш кратколетний
Не тмит уже лучей собой,
И шум вокруг лишь в листьях
мертвых. Вот гения блестящий век!
Где ум? где дух? где блеск и сила?
И что такое человек,
Когда вся цель его – могила,
А сущность – горсть одна земли! И
свет и прах он здесь мгновенно, Но
скрытый сей небесный гром
Единым мигом в жизни тленной
Быть может вечности лучом.
О призрак света непостижный!..

1813

Князь Кутузов-Смоленской

Когда в виду ты всей вселенны
Наполеона посрамил,
Языки одолел сгущенны,
Защитником полсвета был;
Когда тебе судьбы предвечны
Ум дали – троны царств сберечь,
Трофеи заслужить сердечны,
Осилить Александров меч;
Злодеев истребить враждебных,
Обрести бессмертный лавр побед,
В вратах Европы растворенных
Смыть кровью злобы дерзкий
след; Москву освободить
попранну, Отечество спасти от зол,
Лезть дале путь пресечь тирану,
Един основывать престол,— Не
умолчит потомств глагол!
Се мать твоя, Россия, – зри
— Ко гробу руки простирает,
Ожившая тобой, рыдает, И
плачут о тебе цари!

1813 (?)

И. А. Крылов

Волк на псарне

Волк ночью, думая залезть в овчарню,
Попал на псарню.
Поднялся вдруг весь псарный двор.
Почуя серого так близко забияку,
Псы залились в хлевах и рвутся вон на драку.
Псари кричат: «Ахти, ребята, вор!»
И вмиг ворота на запор;
В минуту псарня стала адом.
Бегут: иной с дубьем, Иной
с ружьем.
Огня! – кричат, – огня!»
Пришли с огнем.
Мой Волк сидит, прижавшись в угол
задом. Зубами шелкая и ощетиня шерсть,
Глазами, кажется, хотел бы всех он съесть;
Но, видя то, что тут не перед стадом И что
приходит наконец Ему расчесться за овец,
— Пустился мой хитрец

В переговоры
И начал так: «Друзья!
К чему весь этот шум?
Я, ваш старинный сват и кум,
Пришел мириться к вам, совсем не ради ссоры;
Забудем прошлое, оставим общий лад!
А я не только впредь не трону здешних
стад, Но сам за них с другими грызться рад.
И волчьей клятвой утверждаю,
Что я...» – «Послушай-ка, сосед,—
Тут ловчий перервал в ответ,—
Ты сер, а я, приятель, сед,
И Волчью вашу я давно натуру
знаю; А потому обычай мой:
С волками иначе не делать мировой,
Как снявши шкуру с них долой».
И тут же выпустил на Волка гончих стаю.

Октябрь 1812

Обоз

С горшками шел Обоз,
И надобно с крутой горы спускаться.
Вот, на горе других оставя дожидаться,
Хозяин стал сводить легонько первый
воз. Конь добрый на крестце почти его
понес, Катиться возу не давая; А лошадь
сверху, молодая,
Ругает бедного коня за каждый
шаг: «Ай, конь хваленый, то-то
диво! Смотрите: лепится, как рак;
Вот чуть не зацепил за камень.
Косо! криво! Смелее! Вот толчок
опять! А тут бы влево лишь принять,
Какой осел! Добро бы было в гору Или
в ночную пору; А то и под гору и днем!

Смотреть, так выйдешь из терпенья!
Уж воду бы таскал, коль нет в тебе
уменья! Гляди-тко нас, как мы махнем!
Не бойсь, минуты не потратим,
И возик свой мы не свезем, а скатим!»
Тут, выгнувши хребет и понатужа
грудь, Тронулася лошадка с возом в
путь; Но только под гору она
перевалилась — Воз начал напирать,
телега раскатилась; Коня толкает взад,
коня кидает вбок, Пустился конь со
всех четырех ног На славу; По камням,
рытвинам пошли толчки, Скачки,

Левей, левей, и с возом – бух в
канаву! Прощай, хозяйские горшки!
Как в людях многие имеют слабость ту
же: Все кажется в другом ошибкой нам; А
примешься за дело сам, Так напроказишь
вдвое хуже.

Октябрь 1812

Ворона и курица

Когда Смоленский Князь,
Противу дерзости искусством вооружась,
Вандалам новым сеть поставил
И на погибель им Москву оставил,
Тогда все жители, и малый и
большой, Часа не тратя, собралися
И вон из стен московских поднялися,
Как из улья пчелиный рой.
Ворона с кровли тут на эту всю
тревогу Спокойно, чистя нос, глядит.
«А ты что ж, кумушка, в дорогу?
— Ей с возу Курица кричит. —
Ведь говорят, что у порогу Наш супостат». —
«Мне что до этого за дело? — Вещунья ей в
ответ. — Я здесь останусь смело. Вот ваши
сестры – как хотят; А ведь Ворон ни жарят,
ни варят:
Так мне с гостями не мудрено ужиться,
А может быть, еще удастся поживиться
Сырком, иль косточкой, иль чем-
нибудь. Прощай, хохлаточка,
счастливый путь!» Ворона подлинно
осталась; Но, вместо всех поживок ей,
Как голодом морить Смоленский стал
гостей — Она сама к ним в суп
попалась.
Так часто человек в расчетах слеп и глуп. За
счастьем, кажется, ты по пятам несешься: А
как на деле с ним сочтешься— Попался, как
ворона в суп!

Ноябрь 1812

В. А. Жуковский

Певец во стане русских воинов

Певец

На поле бранном тишина;
Огни между шатрами;
Друзья, здесь светит нам луна,
Здесь кров небес над нами.
Наполним кубок круговой!
Дружнее! руку в руку!
Запьем вином кровавый бой
И с падшими разлуку.
Кто любит видеть в чашах дно,
Тот бодро ищет боя...
О, всемогущее вино,
Веселие героя!

Воины

Кто любит видеть в чашах дно,
Тот бодро ищет боя...
О, всемогущее вино,
Веселие героя!

Певец

Сей кубок чадам древних лет!
Вам слава, наши деды!
Друзья, уже могущих нет;
Уж нет вождей победы;
Их дома вихорь разметал;
Их гробы срыли плуги;
И пламень ржавчины сожрал
Их шлемы и кольчуги; Но дух
отцов воскрес в сынах; Их
поприще пред нами...
Мы там найдем их славный
прах С их славными делами.
Смотрите, в грозной красоте,
Воздушными полками, Их тени
мчатся в высоте Над нашими
шатрами...
О Святослав, бич древних
лет, Се твой полет орлиной.
«Погибнем! мертвым срама нет!»
— Гремит перед дружиной.
И ты, неверных страх. Донской,

С четой двух соименных,
Летишь погибельной грозой
На рать иноплеменных.
И ты, наш Петр, в толпе вождей.
Внимайте клич: Полтава!
Орды пришельца снесь
мечей, И мир взывает: слава!
Давно ль, о хищник, пожирал

Ты взором наши грады?
Беги! твой кань и всадник пал!
Твой след – костей громады;
Беги! и стыд и страх сокрой
В лесу с твоим сарматом;
Отчизны враг сопутник твой:
Злодей владыке братом.
Но кто сей рьяный великан,
Сей витязь полуночи?
Друзья, на спящий вражий
стаи Вперил он страшны очи;
Его завидя в облаках,
Шумящим, смутным роем На
снежных Альпов высотах
Взлетели тени с воем;
Бледнеет галл, дрожит сармат
В шатрах от гневных взоров...
О горе! горе, супостат!
То грозный наш Суворов.
Хвала вам, чада прежних лет,
Хвала вам, чада славы!
Дружиной смелой вам вослед
Бежим на пир кровавый; Да
мчится ваш победный строй
Пред нашими орлами; Да сеет,
нам предтеча в бой, Погибель
над врагами; Наполним кубок!
меч во длань! Внимай нам,
вечный мститель!
За гибель-гибель, брань – за
брань, И казнь тебе, губитель!

Воины

Наполним кубок! меч во длань!
Внимай нам, вечный мститель!
За гибель-гибель, брань – за брань,
И казнь тебе, губитель!

Певец

Отчизне кубок сей, друзья!

Страна, где мы впервые
Вкусили сладость бытия,
Поля, холмы родные,
Родного неба милый свет,
Знакомые потоки,
Златые игры первых лет
И первых лет уроки,
Что вашу прелесть заменит?
О родина святая,
Какое сердце не дрожит,
Тебя благословляя?
Там всё – там родших милый дом;
Там наши жены, чада;
О нас их слезы пред творцом;
Мы жизни их ограда; Там девы –
прелесть наших дней, И сонм
друзей бесценный,
И царский трон, и прах царей,
И предков прах священный.
За них, друзья, всю нашу кровь!
На вражьи грянем силы; Да в
чадах к родине любовь Зажгут
отцов могилы.

Воины

За них, за них всю нашу кровь!
На вражьи грянем силы;
Да в чадах к родине любовь
Зажгут отцов могилы.

Певец

Тебе сей кубок, русский царь!
Цвети твоя держава;
Священный трон твой нам алтарь;
Пред ним обет наш: слава.
Не изменим; мы от отцов
Прияли верность с кровью;
О царь, здесь сонм твоих
сынов, К тебе горим любовью;
Наш каждый ратник славянин;
Все долгу здесь послушны;
Бежит предатель сих дружин, И
чужд им малодушный.

Воины

Не изменим; мы от отцов
Прияли верность с кровью;
О царь, здесь сонм твоих
сынов, К тебе горим любовью.

Певец

Сей кубок ратным и вождям!
В шатрах, на поле чести,
И жизнь и смерть – всё пополам;
Там дружество без лести,
Решимость, правда, простота,
И нравов непритворство,
И смелость – бранных красота,
И твердость, и покорство.
Друзья, мы чужды низким уз; К
венцам стезею правой!
Опасность – твердый наш
союз; Одной пылаем славой.
Тот наш, кто первый в бой
летит На гибель супостата, Кто
слабость падшего щадит
И грозно мстит за брата;
Он взором жизнь дает полкам;
Он махом мощной длани
Их мчит во сретенье врагам,
В средину шумной брани;
Ему веселье битвы глас,
Спокоен под громами:
Он свой последний видит
час Бесстрашными очами.
Хвала тебе, наш бодрый
вождь, Герой под сединами!
Как юный ратник, вихрь, и
дождь, И труд он делит с нами.
О, сколь с израненным челом
Пред строем он прекрасен!
И сколь он хладен пред
врагом И сколь врагу ужасен!
О, диво! се орел пронзил Над
ним небес равнины...
Могущий вождь главу
склонил; Ура кричат дружины.
Лети ко прадедам, орел,
Пророком славной мести!
Мы тверды: вождь наш
перешел Путь гибели и чести; С
ним опыт, сын труда и лет; Он
бодр и с сединою; Ему знаком
победы след... Доверенность к
герою!
Нет, други, нет! не предана
Москва на расхищенье; Там
стены!.. в россах вся она;

Мы здесь – и бог наш мщенье.
Хвала сподвижникам-вождям!
Ермолов, витязь юный,
Ты ратным брат, ты жизнь полкам,
И страх твои перуны.
Раевский, слава наших дней,
Хвала! перед рядами Он
первый грудь против мечей С
отважными сынами.
Наш Милорадович, хвала! Где он
промчался с бранью, Там,
мнится, смерть сама прошла С
губительною дланью.
Наш Витгенштейн, вождь-
герой, Петрополя спаситель,
Хвала!.. Он щит стране родной,
Он хищных истребитель.
О, сколь величественный вид,
Когда перед рядами, Один,
склонясь на твердый щит, Он
грозными очами Блюдет
противников полки, Им гибель
устраивает
И вдруг... движением руки
Их сонмы рассыпает.
Хвала тебе, славян любовь,
Наш Коновницын смелый!..
Ничто ему толпы врагов,
Ничто мечи и стрелы;
Пред ним, за ним перун гремит,
И пышет пламень боя... Он
весел, он на гибель зрит С
спокойствием героя; Себя
забыл... одним врагам
Готовит истребленье;
Пример и ратным и вождям
И смелым удивленье. Хвала,
наш Вихорь-атаман, Вождь
невредимых, Платов! Твой
очарованный аркан Гроза для
супостатов. Орлом шумишь по
облакам, По полю волком
рыщешь, Летаешь страхом в
тыл врагам, Бедой им в уши
свищешь; Они лишь к лесу –
ожил лес, Деревья сыплют
стрелы; Они лишь к мосту –
мост исчез; Лишь к селам –
пышут селы.

Хвала, наш Нестор-Бенигсон!
И вождь и муж совета,
Блюдет врагов не дремля
он, Как змей орел с полета.
Хвала, наш Остерман-герой,
В час битвы ратник смелый!
И Тормасов, летящий в
бой, Как юноша веселый!
И Багговут, среди громов,
Средь копий безмятежный!
И Дохтуров, гроза врагов, К
победе вождь надежный! Наш
твердый Воронцов, хвала! О
други, сколь смутилась Вся
рать славян, когда стрела В
бесстрашного вонзилась,
Когда полмертв, окровавлен, С
потухшими очами, Он на щите
был изнесен За ратный строй
друзьями. Смотрите... язвой
роковой К постеле
пригвожденный,
Он страждет, братскою
толпой Увечных окруженный.
Ему возглавье бранный щит;
Незыблемый в мученье, Он с
ясным взором говорит:
«Друзья, бедам презренье!»
И в их сердцах героя речь
Веселье пробуждает, И,
оживясь, до полы меч
Рука их обнажает.
Спешите ж, о витязь наш! воспрянь;
Уж ангел истребления Горе
подъял ужасну длань,
И близок час отмщенья.
Хвала, Щербатов, вождь молодой!
Среди грозы военной,
Друзья, он сетует душой
О трате незабвенной.
О витязь, ободрись... она
Твой спутник невидимый, И
ею свыше знамена Дружин
твоих хранимы. Любви и
скорби оживить Твои для
мщенья силы: Рази
дерзнувших возмутить
Покой ее могилы.
Хвала, наш Пален, чести сын!

Как бурею носимый,
Везде впреди своих дружин
Разит, неотразимый.
Наш смелый Строганов, хвала!
Он жаждет чистой славы;
Она из мира увлекла
Его на путь кровавый...
О храбрых сонм, хвала и честь!
Свершайте истребленье,
Отчизна к вам взывает: месть!
Вселенная: спасенье!
Хвала бестрепетным вождям!
На конях окрыленных По
долам скажут, по горам
Вослед врагов смятенных;
Днем мчатся строй на строй; в
ночи Страшат, как привиденья;
Блистают смертью их мечи; От
стрел их нет спасенья; По всем
рассыпаны путям, Невидимы и
зримы; Сломили здесь, сражают
там И всюду невредимы.

Наш Фигнер старцем в стан
врагов Идет во мраке ночи; Как
тьень прокрался вокруг шатров, Всё
зрели быстры очи...
И стан еще в глубоком сне,
День светлый не проглянул —
А он уж, витязь, на коне, Уже с
дружиной грянул. Сеславин —
где ни пролетит С крылатыми
полками, Там брошен в прах и
меч и щит И устлан путь
врагами. Давыдов, пламенный
боец, Он вихрем в бой
кровавый; Он в мире
счастливый певец Вина, любви
и славы.

Кудашев скоком через ров И
лётком на стремнину; Бросает
взглядом Чернышев На меч и
гром дружину, Орлов
отважностью орел; И мчит грозу
ударов Сквозь дым и огонь, по
грудам тел, В среду врагов
Кайсаров.

Воины

Вожди славян, хвала и честь!
Свершайте истребленье,
Отчизна к вам взывает: мечь!
Вселенная: спасенье!

Певец

Друзья, кипящий кубок сей
Вождам, сраженным в бое.
Уже не придут в сонм друзей,
Не станут в ратном строе,
Уж для врага их грозный лик
Не будет вестник мщенья,
И не помчит их мощный клик
Дружину в пыл сраженья; Их
празден меч, безмолвен щит,
Их ратники унылы;
И сир могучих конь стоит
Близ тихой их могилы.
Где Кульнев наш, рушитель сил,
Свирепый пламень брани?
Он пал – главу на щит склонил
И стиснул меч во длани.
Где жизнь судьба ему дала,
Там брань его сразила; Где
колыбель его была, Там
днесь его могила.
И тих его последний час:
С молитвою священной О
милой матери угас Герой
наш незабвенный.
А ты, Кутайсов, вождь молодой...
Где прелести? где младость?
Увы! он видом и душой
Прекрасен был, как радость; В
бронне ли, грозный, выступал —
Бросали смерть перуны; Во
струны ль арфы ударял—
Одушевлялись струны... О горе!
верный конь бежит Окровавлен
из боя; На нем его разбитый
щит...
И нет на нем героя.
И где же твой, о витязь,
прах? Какою взят могилой?..
Пойдет прекрасная в слезах
Искать, где пепел милый...
Там чище ранняя роса, Там
зелень ароматней,
И сладостней цветов краса,

И светлый день приятней,
И тихий дух твой прилетит
Из таинственной сени;
И ропот сердца возвестит
Ей близость дружней тени.
И ты... и ты, Багратион?
Вотще друзей молитвы,
Вотще их плач... во гробе
он, Добыча лютой битвы.
Еще дружин надежда в нем;
Всё мнит: с одра восстанет;
И робко шепчет враг с врагом:
«Увы нам! скоро грянет».
А он... навеки взор смежил,
Решитель бранных споров, Он в
область храбрых воспарил, К
тебе, отец Суворов.
И честь вам, падшие друзья!
Ликуйте в горней сени; Там
ваша верная семья— Вождей
минувших тени. Хвала вам
будет оживлять
И поздних лет беседы.
«От них учитесь умирать!»—
Так скажут внукам деды;
При вашем имени вскипит
В вожде ретивом пламя;
Он на твердыню с ним взлетит
И водрузит там знамя.

Воины

При вашем имени вскипит В
вожде ретивом пламя; Он на
твердыню с ним взлетит
И водрузит там знамя.

Певец

Сей кубок мщенью! други, в строй!
И к небу грозны длани! Сразить
иль пасть! наш роковой Обет
пред богом брани.
Вотще, о враг, из тьмы племен
Ты зиждешь ополченья:
Они бегут твоих знамен
И жаждут низложенья. Сокровищ
нет у нас в домах; Там стрелы и
кольчуги; Мы села – в пепел;
грады – в прах; В мечи – серпы и
плуги.
Злодей! он лестью приманил
К Москве свои дружины;

Он низким миром нам грозил
С Кремлевския вершины.
«Пойду по стогнам с торжеством!
Пойду... и всё воспещет!
И в прах падут с своим
царем!». Пришел... и сам
трепещет; Подвигло мщение
Москву: Вспылала пред врагами
И грянулась на их главу
Губящими стенами.
Веди ж своих царей-рабов С
их стаей в область хлада;
Пробей тропу среди снегов Во
сретение глада... Зима,
союзник наш, гряди! Им
заперт путь возвратный;
Пустыни в пепле позади; Пред
ними сонмы ратны. Отведай,
хищник, что сильней: Дух
алчности иль мщенье?
Пришлец, мы в родине своей;
За правых провиденье!

Воины

Отведай, хищник, что сильней:
Дух алчности иль мщенье?
Пришлец, мы в родине своей;
За правых провиденье!

Певец

Святому братству сей фиал
От верных братий круга!
Блажен, кому создатель дал
Усладу жизни, друга;
С ним счастье вдвое; в скорбный
час Он сердцу утешенье; Он наша
совесть; он для нас Второе
провиденье.
О! будь же, други, святость
уз Закон наш под шатрами;
Написан кровью наш союз: И
жить и пасть друзьями.

Воины

О! будь же, други, святость уз
Закон наш под шатрами;
Написан кровью наш союз:
И жить и пасть друзьями.

Певец

Любви сей полный кубок в дар!
Среди борьбы кровавой,
Друзья, святой питайте жар:
Любовь – одно со славой.
Кому здесь жребий уделен
Знать тайну страсти милой,
Кто сердцем сердцу обручен,
Тот смело, с бодрой силой
На всё великое летит;
Нет страха; нет преграды;
Чего-чего не совершит
Для сладостной награды?
Ах! мысль о той, кто всё для нас,
Нам спутник неизменный;
Везде знакомый слышим глас,
Зрим образ незабвенный!
Она на бранных знаменах,
Она в пылу сраженья;
И в шуме стана и в мечтах
Веселых сновиденья. Отведай,
враг, исторгнуть щит, Рукою
данный милой; Святой обет на
нем горит: Твоя и за могилой!

О сладость тайныя мечты!
Там, там за синей далью
Твой ангел, дева красоты,
Одна с своей печалью,
Грустит, о друге слезы
льет; Душа ее в молитве,
Боишься вести, вести ждет:
«Увы! не пал ли в битве?»
И мыслит: «Скоро ль, дружный
глас, Твои мне слышать звуки?
Лети, лети, свиданья час,
Сменить тоску разлуки».
Друзья! блаженнейшая часть:
Любезных быть спасеньем.
Когда ж предел наш в битве пасть
— Погибнем с наслажденьем;
Святое имя призовем В минуту
смертной муки;
Кем мы дышали в мире сем, С
той нет и там разлуки: Туда
душа перенесет Любовь и
образ милой... О други, смерть
не всё возьмет; Есть жизнь и за
могилой.

Воины

В тот мир душа перенесет
Любовь и образ милой... О
други, смерть не, всё возьмет;
Есть жизнь и за могилой.

Певец

Сей кубок чистым музам в дар!
Друзья, они в героя
Вливают бодрость, славы жар,
И месть, и жажду боя. Гремят
их лиры – стар и млад
Оделись в бранны латы:
Ничто им стрел свистящих
град, Ничто твердынь раскаты.
Певцы – сотрудники вождям;
Их песни – жизнь победам,
И внуки, внемля их струнам,
В слезах дивятся дедам.
О радость древних лет, Боян!
Ты, арфой ополченный, Летал
пред строями славян, И гимн
гремел священный. Петру
возник среди снегов Певец –
податель славы; Честь
Задунайскому – Петров;
О камские дубравы,
Гордитесь, ваш Державин
сын! Готовь свои перуны,
Суворов, чудо-исполин,—
Державин грянет в струны.
О старец! да услышим твой
Днесь голос лебединый; Не
тщетной славы пред тобой, Но
мщения дружины; Простерли не
к добычам длань, Бегут не за
венками— Их подвиг свят: то
правых брань С злодейскими
ордами. Пришло разрушить их
мечам Племен порабощенье;
Самим губителя рабам Победы
их спасенье.

Так, братья, чадам муз
хвала!.. Но я, певец ваш
юный... Увы! почто судьба
дала Незвучные мне струны?
Доселе тихим лишь полям

Моя играла лира...
Вдруг жребий выпал: к знаменам!
Прости, и сладость мира,
И отчий край, и круг друзей,
И труд уединенный,
И всё... я там, где стук
мечей, Где ужасы военны.
Но буду ль ваши петь дела
И хищных истребленье? Быть
может, ждет меня стрела
И мне удел – паденье.
Но что ж... навеки ль смертный час
Мой след изгладит в мире?
Останется привычный глас
В осиротевшей лире. Пускай
губителя во прах Низринет
месть кровава — Родится
жизнь в ее струнах, И звучно
грянут: слава!

Воины

Хвала возвышенным певцам!
Их песни – жизнь победам,
И внуки, внемля их струнам,
В слезах дивятся дедам.

Певец

Подыдем чашу!.. Богу сил!
О братья, на колена! Он
искони благословил
Славянские знамена.
Бессильным щит его закон
И гибнущим спаситель;
Всегда союзник правых он
И гордый истребитель.
О братья, взоры к небесам! Там
жизни сей награда! Отголь отец
незримый нам Гласит:
мужайтесь, чада! Бессмертье,
тихий, светлый брег; Наш путь –
к нему стремленье. Покойся, кто
свой кончил бег! Вы, странники,
терпенье! Блажен, кого
постигнул бой! Пусть долго, с
жизнью хилой, Старик
трепещущей ногой Влачится над
могилой; Сын брани мигом
ношу в прах С могучих плеч
свергает

И, бодр, на молнийных крылах
В мир лучший улетает.
А мы?.. Доверенность к
творцу! Что б ни было –
незримой Ведет нас к лучшему
концу Стезей непостижимой.
Ему, друзья, отважно вслед!
Прочь, низкое! прочь, злоба! Дух
бодрый на дороге бед, До самой
двери гроба; В высокой доле –
простота; Нежадность – в
наслажденье; В союзе с ровным –
правота; В могуществе –
смиренье. Обетам – вечность;
чести – честь; Покорность –
правой власти; Для дружбы – всё,
что в мире есть; Любви – весь
пламень страсти; Утеха – скорби;
просьбе – дань, Погибели –
спасенье; Могущему пороку –
брань; Бессильному – презренье;
Неправде – грозный правды глас;
Заслуге – воздаянье; Спокойствие
– в последний час; При гробе –
упованье.

О! будь же, русский бог, нам
щит! Прострешь твою десницу—
И мститель-гром твой раздробит
Коня и колесницу.
Как воск перед лицом огня,
Растает враг пред нами... О
страх карающего дня! Бродя
окрест очами, Речет пришлец:
«Врагов я зрел; И мнил: земли
им мало; И взор их гибелью
горел; Протек-врагов не
стало!»

Воины

Речет пришлец: «Врагов я зрел;
И мнил: земли им мало;
И взор их гибелью горел;
Протек-врагов не стало!»

Певец

Но светлых облаков гряда
Уж утро возвещает;
Уже восточная звезда

Над холмами играет;
Редее сумрак; сквозь туман
Проглянули равнины,
И дальний лес, и тихий стан,
И спящие дружины.
О други, скоро!.. день
грядет... Недвижны рати
бурны... Но... Рок уж жребии
берет Из таинственной урны.
О новый день, когда твой свет
Исчезнет за холмами, Сколь
многих взор наш не найдет Меж
нашими рядами!..
И он блеснул!.. Чу!.. вестовой
Перун по холмам грянул;
Внимайте: в поле шум глухой!
Смотрите: стан воспрянул!
И кони ржут, грызя бразды; И
строй сомкнулся с строем; И
вождь летит перед ряды; И
пышет ратник боем. Друзья,
прощанью кубок сей! И смело
в бой кровавой Под вихорь
стрел, на ряд мечей, За
смертью иль за славой...
О вы, которых и вдали
Боготворим сердцами, Вам,
вам все блага на земли! Щит
промысла над вами!..
Всевышний царь, благослови!
А вы, друзья, лобзанье В
завет: здесь верныя любви,
Там сладкого свиданья!

Воины

Всевышний царь, благослови!
А вы, друзья, лобзанье
В завет: здесь верныя любви,
Там сладкого свиданья!

Вождю победителей

Писано после сражения под Красным

Послание

О вождь славян, дерзнут ли робки
струны Тебе хвалу в сей славный час
бряцать? Везде гремят отмщения перуны,
И мчится враг, стыдом покрытый, вспять,
И с россом мир тебе рукоплещает...
Кто пенью струн средь плесков сих внимает?
Но как молчать? Я сердцем славянин!
Я зрел, как ты, впреди своих дружин, В
кругу вождей, сопутствуем громами, Как
божий гнев, шел грозно за врагами. Со
всех сторон дымились небеса; Окрест
земля от громов колебалась... Сколь
мысль моя тогда воспламенялась! Сколь
дивная являлась мне краса!
О старец-вождь! я мнил, что над
тобою Тогда сам Рок невидимый
летел; Что был сокрыт вселенный
предел В твоей главе, венчанной
сединою. Закон Судьбы для нас
неизъясним. Надменный сей не ею ль
был храним? Вотще пески ливийские
пылали— Он путь открыл среди
песчаных волн; Вотще враги пучину
осаждали — Его, промчал безвредно
легкий челн; Ступил на брег – руке его
корона; Уж хищный взор с
похищенного трона Вселенную в
неволю оковал; Уж он царей-рабов
своих созвал... И восстают могущие
тевтоны, Достойные Арминия сыны;
Неаполь, Рим собирают легионы;
Богемец, венгр, саксон ополчены;
И стали в строй изменники сарматы;
Им нет числа; дружины их крылаты;
И норд и юг поток сей наводнил!
Вождю вослед, а вождь их за звездою,
Идут, летят – уж всё под их стопою, Уж
росс главу под низкий мир склонил... О,
замыслы! о, неба суд ужасной!
О, хищный враг!.. и труд толиких лет, И
трусами устанный путь побед, И мощь,
и злость, и козни – всё напрасно! Здесь
грозная Судьба его ждала;

Она успех на то ему дала,
Чтоб старец наш славней его низринул.
Хвала, наш вождь! Едва дружины двинул—
Уж хищных рать стремглав бежит назад;
Их гонит страх; за ними мчится глад;
И щит и меч бросают с знаменами;
Везде пути покрыты их костями; Их
волны жрут; их губит огонь и хлад;
Вотще свой взор подъемлют ко
спасенью... Не узрят их отечески поля!
Обречены в добычу истребленью,
И будет гроб им русская земля.
И окрылася, наш старец, пред тобою
Сия звезда, сей грозный вождь к бедам;
Посол Судьбы, явился ты полкам—
И пред твоей священной сединою
Безумная гордыня пала в прах.
Лети, неси за ними смерть и страх;
Еще удар – и всей земле свобода,
И нет следов великого народа!
О, сколь тебе завидный жребий дан!
Еще вдали трепещет оттоман —
А ты уж здесь! уж родины спаситель!
Уже погнал, как гений-истребитель,
Кичливые разбойников орды; И ряд
побед – полков твоих следы; И самый
враг, неволею гнетомый, Твоих орлов
благословляет громы: Ты жизнь ему
победами даришь... Когда ж, свершив
погибельное мщенье, Свои полки
отчизне возвратишь, Сколь славное
тебе успокоенье!..
Уже в мечтах я вижу твой возврат:
Перед тобой венцы, трофеи брани;
Во сретенье бегут и стар и млад;
К тебе их взор; к тебе подъемлют длани;
«Вот он! вот он! сей грозный вождь, наш
щит; Сколь величав грядущий пред полками!
Усейте путь спасителя цветами!
Да каждый храм мольбой о нем гремит!
Да слышит он везде благословенье!»
Когда ж, сложив с главы своей шелом И
меч с бедра, ты возвратишься в дом, Да
вкусишь там покоя наслажденье Пред
славными трофеями побед— Сколь
будет ток твоих преклонных лет В сей
тишине величествен и ясен!
О, дней благих закат всегда прекрасен!
С веселием вода окрест свой взор,

Ты будешь зреть ликующие нивы,
И скачуши стада по скатам гор,
И хижины оратая счастливы,
И скажешь: мной дана им тишина.
И старец, в гроб ступивший уж ногою,
Тебя в семье вспомянув с мольбою, В
семействе скажет: «Им сбережена Мне
мирная в отечестве могила». «Его рука
мне милых сохранила».
На пиршествах, в спокойствии семей,
Пред алтарем, в обители царей, Везде,
о вождь, тебе благословенье; Тебя
предаст потомству песнопенье.

Бородинская годовщина

Русский царь созвал дружины
Для великой годовщины
На полях Бородина.
Там земля окрещена:
Кровь на ней была святая;
Там, престол и Русь спасая,
Войско целое легло
И престол и Русь спасло.
Как ярилась, как кипела,
Как пылила, как гремела
Здесь народная война В
страшный день Бородина!
На полки полки бросались,
Холмы в громах загорались,
Бомбы падали дождем,
И земля тряслась кругом.
А теперь пора иная:
Благовонно-золотая Жатва
блещет по холмам; Где
упорней бились, там
Мирных инокинь обитель;
И один остался зритель Сих
кипевших бранью мест, Всех
решитель бранен – крест.
И на пир поминовенья
Рать другого поколенья
Новым, славным уж царем
Собрана на месте том,
Где предместники их бились,
Где столь многие свершились
Чудной храбрости дела,
Где земля их прах взяла.
Так же рать числом обильна;
Так же мужество в ней сильно;
Те ж орлы, те ж знамена
И полков те ж имена...
А в рядах другие стали;
И серебряной медали,
Прежним данной ей царем,
Не видать уж ни на ком.
И вождей уж прежних мало:

² Спасо-Богородинский монастырь, основанный близ села Семеновского вдовой генерала А. А. Тучкова на той батарее, где он убит, сражаясь храбро. Тело его не было отыскано. Все кости, найденные на сем месте, были зарыты в одну могилу, над которой теперь возвышается церковь, и в этой церкви гробница Тучкова. – *Прим. автора.*

Много в день великий пало
На земле Бородина;
Позже тех взяла война;
Те, свершив в Париже тризну
По Москве и рать в отчизну
Проводивши, от земли
К храбрым братьям отошли.
Где Смоленский, вождь спасенья?
Где герой, пример смиренья,
Введший рать в Париж, Барклай?
Где, и свой и чуждый край
Дерзкой бодростью дививший
И под старость сохранивший
Все, что в молодости есть,
Коновницын, ратных честь?
Сколько славных с ним
пропало Боевых преданий нам!
Как в нем друга жаль друзьям!
И тебя мы пережили,
И тебя мы схоронили,
Ты, который трон и нас
Твердым царским словом спас,
Вождь вождей, царей диктатор,
Наш великий император,
Мира светлая звезда,
И твоя пришла черда!
О, година русской славы!
Как теснились к нам державы!
Царь наш с ними к чести шел!
Как спасительно он ввел
Рать Москвы к врагам в столицу!
Как незлобно он десницу
Протянул врагам своим!
Как гордился русский им!
Вдруг... от всех честей далеко,
В бедном крае, одиноко,
Перед плачущей женой, Наш
владыка, наш герой, Гаснет
царь благословенной; И за
гробом сокрушенно,
В погребальный слившись ход,
Вся империя идет. Неподкупный,
неизменный, Хладный вождь в
грозе военной, Жаркий сам
подчас боец,
В дни спокойные мудрец,
Где Раевский? Витязь Дона,
Русской рати оборона,
Неприятелю аркан,

Где наш Вихорь-Атаман?
Где наездник, вождь летучий,
С кем врагу был страшной
тучей Русских тыл и авангард,
Наш Роланд и наш Баярд,
Милорадович? Где славный
Дохтуров, отвагой равный И в
Смоленске на стене И в святом
Бородине?
И других взяла судьбина:
В бое зрев погибель сына,
Рано Строганов увял;
Нет Сен-При; Ланской наш
пал; Кончил Тормасов; могила
Неверовского сокрыла; В гробе
старец Ланжерон; В гробе
старец Бенингсон.
И боец, сын Апполонов...
Мнил он гроб Багратионов
Проводить в Бородино...
Той награды не дано: Вмиг
Давыдова не стало! И его
как не бывало, Перед кем
все трепетала Есть далекая
скала; Вкруг скалы морская
мгла;
С морем степь слилась
другая, Бездна неба голубая;
К той скале путь загражден...
Там зарыт Наполеон.
Много с тех времен, столь чудных,
Дней блистательных и трудных
С новым зрели мы царем;
До Стамбула русский гром
Был доброшен по Балкану;
Миром мстили мы султану;
И вскатил на Арарат Пушки
храбрый наш солдат.
И все царство Митридата До
подошвы Арарата Взял наш
северный Аякс; Русской гранью
стал Аракс; Арзерум сдался нам
дикий; Закипел мятеж великий;
Пред Варшавой стал наш
фрунт,
И с Варшавой рухнул бунт.
И, нежданная ограда,
Флот наш был у стен Царьграда;
И с турецких берегов,

В память северных орлов,
Русский сторож на Босфоре.
Отразься в заветном море,
Мавзолей наш говорит:
«Здесь был русский стан разбит».
Всходит дневное светило Так же
ясно, как всходило
В чудный день Бородина;
Рать в колонны собрана,
И сияет перед ратью
Крест небесной благодатью,
И под ним ввиду колонн В
гробе спит Багратион. Здесь он
пал, Москву спасая, И, далеко
умирая, Слышал весть:
Москвы уж нет!
И опять он здесь, одет
В гробе дивною броней,
Бородинскою землею; И
великий в гробе сон
Видит вождь Багратион.
В этот час тогда здесь бились!
И враги, ярясь, ломились На
холмы Бородина; А теперь их
тишина, Небом полная,
объемлет, И как будто бы
подъемлет Из-за гроба голос
свой Рать усопшая к живой.
Несказанное мгновенье! Лишь
изрек, свершив моление,
Предстоявший алтарю:
Память вечная царю!

Вдруг обгрянул залп единый
Бородинские вершины, И в
один великий глас Вся с ним
армия слилась. Память
вечная, наш славный,
Наш смиренный, наш державный,
Наш спасительный герой!
Ты обет изрек святой;
Слово с трона роковое
Повторилось в дивном
бое На полях Бородина:
Им Россия спасена. Память
вечная вам, братья! Рать
младая к вам объятья
Простирает вглубь земли;
Нашу Русь вы нам спасли;

В свой черед мы грудью станем;
В свой черед мы вас помянем,
Если царь велит отдать Жизнь
за общую нам мать.

П. А. Вяземский

Послание к Жуковскому из Москвы, в конце 1812 года

Итак, мой друг, увидимся мы вновь
В Москве, всегда священной нам и милой!
В ней знали мы и дружбу и любовь,
И счастье в ней дни наши золотило. Из
детства, друг, для нас была она
Святылищем драгих воспоминаний;
Протекших бед, веселий, слез, желаний
Здесь повесть нам везде оживлена. Здесь
красится дней наших старина, Дней
юности, и ясных и веселых,
Мелькнувших нам едва – и отлетелых.
Но что теперь твой встретит мрачный
взгляд В столице сей и мира и отрад? —
Ряды могил, развалин обгорелых
И цепь полей пустых, осиротелых —
Следы врагов, злодейства гнусных чад!
Наук, забав и роскоши столица,
Издревле край любви и красоты
Есть ныне край страданий, нищеты.
Здесь бедная скитается вдовица,
Там слышен вопль младенца-сироты;
Их зрит в слезах румяная денница,
И ночи мрак их застаёт в слезах!
А там старик, прибревший на клюках
На хладный пепл родного пепелища,
Не узнает знакомого жилища, Где он
мечтал сном вечности заснуть,
Склонив главу на милой дочери грудь;
Теперь один, он молит дланью нищей
Последнего приюта на кладбище.
Да будет тих его кончины час! Пускай мечты
его обманут муку, Пусть слышится ему
дочерний глас, Пусть, в гроб сходя, он мнит
подать ей руку! Счастлив, мой друг, кто,
мрачных сих картин. Сих ужасов и бедствии
удаленный И строгих уз семейных
отчужденный, Своей судьбы единый
властелин, Летит теперь, отмщеньем
вдохновенный, Под знамена карающих
дружин!
Счастлив, кто меч, отчизне посвященный,
Подъял за прах родных, за дом царей,

За смерть в боях утраченных друзей;
И, роковым постигнутый ударом,
Он скажет, свой смыкая мутный взор:
«Москва! я твой питомец с юных пор,
И смерть моя – тебе последним даром!»
Я жду тебя, товарищ милый мой!
И по местам, унынью посвященным, Мы
медленно пойдем, рука с рукой, Бродить,
мечтам предавшись потаенным. Здесь
тускл зари пылающий венец, Здесь
мрачен день в краю опустошений;
И скорби сын, развалин сих жилец,
Склоня чело, объятый думой гений
Гласит на них протяжно: нет Москвы!
И хладный прах, и рухнувшие своды,
И древний Кремль, и ропотные воды
Ужасной сей исполнены молвы!

К. Ф. Рылеев

Партизаны

В лесу дремучем, на поляне
Отряд наездников сидит.
Окрестность вся в седом
тумане; Кругом осенний ветер
шумит, На тусклый месяц
набегают Порой густые облака;
Надулась черная река, И молнии
вдали сверкают. Плащи
навешаны шатром
На пиках, вглубь земли
вонзенных; Биваки в сумраке
ночном, Вокруг костров
воспламененных; Среди них
толпами удальцы: Ахтырцы,
бугцы и донцы. Пируют всадники
лихие, Свершив отчаянный набег;
Заботы трудны боевые, Но весел
шумный их ночлег; Живой
беседой сокращают Они друг
другу час ночной; Дела вождей
страны родной Воспоминаньем
оживляют И лес угрюмый и
густой Веселым пенем
пробуждают.

Песня партизанская

Вкушает враг беспечный сон;
Но мы не спим, мы надзираем —
И вдруг на стан со всех сторон,
Как снег внезапный, налетаем.
В одно мгновенье враг разбит,
Врасплох застигнут удалцами,
И вслед за ними страх летит
С неутомимыми донцами.
Свершив набег, мы в лес густой
С добычей вражеской уходим
И там, за чашей круговой,
Минуты отдыха проводим.
С зарей бросаем свой ночлег,
С зарей опять с врагами встреча,
На них нечаянный набег Иль
неожиданная сеча.
Так сонмы ратников простых
Досуг беспечный провождали.

1825

А. С. Пушкин

На возвращение государя императора из Парижа в 1815 году

Утихла брань племен; в пределах отдаленных
Не слышен битвы шум и голос труб военных;
С небесной высоты, при звуке стройных лир, На
землю мрачную нисходит светлый Мир.
Свершилось!.. Русской царь, достиг ты славной цели!
Вотще надменные на родину летели; Вотще впереди
знамен бесчисленных дружин В могущей дерзости
венчанный исполин На гибель грозно шел, влек цепи
за собою:

Меч огненный блеснул за дымною Москвою!
Звезда губителя потухла в вечной мгле, И
пламенный венец померкнул на челе! Содрога
счастья сын, и, брошенный судьбою, Он землю
русскую не взвидел под собою. — Бежит... и
мести гром слетел ему во след;
И с трона гордый пал... и вновь восстал... и нет!
Тебе, наш храбрый царь, хвала, благодаренье!
Когда полки врагов покрыли отдаленье, Во броню
ополчась, взложив пернатый шлем, Колена
преклонив пред вышним алтарем, Ты браней меч
извлек и клятву дал святую От ига оградить
страну свою родную.

Мы вняли клятве сей; и гордые сердца В
восторге пламенном летели вслед отца И
смертью роковой горели и дрожали;
И россы пред врагом твердыней грозной
стали!.. «К мечам!» раздался клик, и вихрем
понеслись; Знамены, восшумев, по ветру
развились; Обнялся с братом брат; и милым
дали руку Младые ратники на грустную
разлуку; Сразились. Воспылал свободы ярый
бой, И смерть хватала их холодною рукой!..
А я... вдали громов, в сени твоей надежной...
Я тихо расцветал, беспечный, безмятежный!
Увы! мне не судил таинственный предел
Сражаться за тебя под градом вражбых стрел!
... Сыны Бородина, о Кульмские герои!
Я видел, как на брань летели ваши строи;
Душой восторженной за братьями спешил.
Почто ж на бранный дол я крови не пролил?

Почто, сжимая меч младенческой рукою,
Покрытый ранами, не пал я пред тобою
И славы под крылом наутре не почил?
Почто великих дел свидетелем не был?
О, сколь величествен, бессмертный, ты
явился, Когда на сильного с сынами
устремился; И, челы приподняв из мрачности
гробов, Народы, падшие под бременем оков,
Тяжелой цепию с восторгом потрясали
И с робкой радостью друг друга вопрошали:
«Ужель свободны мы?... Ужели грозный пал...
Кто смелый? Кто в громах на севере восстал?..».
И ветхую главу Европа преклонила,
Царя-спасителя колена окружила
Освобожденною от рабских уз рукой,
И власть мятежная исчезла пред тобой!
И ныне ты к сынам, о царь наш, возвратился,
И край полуночи восторгом озарился!
Склони на свой народ смиренья полный взгляд
— Все лица радостью, любовью блещут. Внемли
— повсюду весть отрадная несется,
Повсюду гордый клик веселья раздается;
По стогнам шум, везде сияет торжество,
И ты среди толпы, России божество!
Встречать вождя побед летят твои дружины.
Старик, счастливый век забыв Екатерины,
Взирает на тебя с безмолвною слезой.
Ты наш, о русской царь! оставь же шлем стальной
И грозный меч войны, и щит — ограду
нашу; Излей пред Янусом священну мира
чашу, И, брани сокрушив могущею рукой,
Вселенну осени желанной тишиной!..
И придут времена спокойствия златые,
Покроет шлемы ржа, и стрелы каленые,
В колчанах скрытые, забудут свой полет;
Счастливый селянин, не зная бурных бед, По
нивам повлечет плуг, миром изошренный;
Суда летучие, торговлей окриленны,
Кормами рассекут свободный океан, И юные
сыны воинственных славян Спокойной
праздности с досадой предадутся, И молча
некогда вокруг старца соберутся, Преклонят
жадный слух, и ветхим костылем
И стан, и ратный строй, и дальний бор с
холмом На прахе начертит он медленно пред
ними, Словами истины, свободными,
простыми, Им славу прошлых лет в рассказах
оживит И доброго царя в слезах благословит.

1815

Наполеон

Чудесный жребий совершился:
Угас великий человек.
В неволе мрачной закатился
Наполеона грозный век. Исчез
властитель осужденный.
Могучий баловень побед, И
для изгнанника вселенной
Уже потомство настает.
О ты, чьей памятью кровавой
Мир долго, долго будет полн,
Приосенен твоею славой,
Почий среди пустынных
волн. Великолепная могила!..
Над урной, где твой прах
лежит, Народов ненависть
почила И луч бессмертия горит.
Давно ль орлы твои летали
Над обесславленной землей?
Давно ли царства упали При
громах силы роковой?
Послушны воле своенравной,
Бедой шумели знамена, И
налагал ярем державный Ты
на земные племена? Когда
надеждой озаренный От
рабства пробудился мир,
И галл десницей разъяренной
Низвергнул ветхий свой кумир;
Когда на площади мятежной Во
прахе царский труп лежал, И
день великий, неизбежный —
Свободы яркий день вставал,—
Тогда в волненье бурь народных
Предвидя чудный свой удел,
В его надеждах благородных
Ты человечество презрел.
В свое погибельное счастье
Ты дерзкой веровал душой,
Тебя пленяло самовластье
Разочарованной красой.
И обновленного народа Ты
буйность юную смирил,
Новорожденная свобода,
Вдруг онемев, лишилась
сил; Среди рабов до упоенья

Ты жажду власти утолил,
Помчал к боям их ополченья,
Их цепи лаврами обвил.
И Франция, добыча славы,
Пленный устремила взор,
Забыв надежды величавы, На
свой блистательный позор. Ты
вел мечи на пир обильный?
Все пало с шумом пред тобой:
Европа гибла; сон могильный
Носился над ее главой.
И се, в величии постыдном
Ступил на грудь ее колосс.
Тильзит... (при звуке сем
обидном Теперь не побледнеет
росс)— Тильзит надменного героя
Последней славою венчал, Но
скучный мир, но хлад покоя
Счастливец душу волновал.
Надменный! кто тебя подвигнул?
Кто обуял твой дивный ум?
Как сердца русских не постипнул
Ты с высоты отважных дум?
Великодушного пожара Не
предузнав, уж ты мечтал,
Что мира вновь мы ждем, как
дара; Но поздно русских
разгадал... Россия, бранная
царица, Воспомни древние права!
Померкни, солнце Австерлица!
Пылай, великая Москва!
Настали времена другие.
Исчезни, краткий наш позор!
Благослови Москву, Россия!
Война по гроб – наш договор!
Оцепенелыми руками Схватив
железный свой венец, Он
бездну видит пред очами, Он
гибнет, гибнет наконец, Бежат
Европы ополченья!
Окровавленные снега
Провозгласили их паденье,
И тает с ними след врага.
И все, как буря, закипело;
Европа свой расторгла плен;
Во след тирану полетело,
Как гром, проклятие племен.
И длань народной Немезиды
Подъяту видит великан:

И до последней все обиды
Отплачены тебе, тиран!
Искуплены его стяжания
И зло воинственных чудес
Тоскою душного изгнания
Под сенью чуждою небес.
И знойный остров заточенья
Полнощный парус посетит,
И путник слово примиренья На
оном камне начертит, Где,
устремив на волны очи,
Изгнанник помнил звук мечей,
И льдистый ужас полуночи,
И небо Франции своей;
Где иногда, в своей пустыне
Забыв войну, потомство, трон,
Один, один о милом сыне
В унынье горьком думал он. Да
будет омрачен позором Тот
малодушный, кто в сей день
Безумным возмутит укором Его
развенчанную тень! Хвала!.. Он
русскому народу Высокий
жребий указал И миру вечную
свободу Из мрака ссылки
завещал.

Евгений Онегин

отрывки из романа

Глава седьмая

Но вот уж близко. Перед ними
Уж белокаменной Москвы,
Как жар, крестами золотыми
Горят старинные главы.
Ах, братцы! как я был доволен,
Когда церковей и колоколен,
Садов, чертогов полукруг
Открылся предо мною вдруг!
Как часто в горестной разлуке,
В моей блуждающей судьбе,
Москва, я думал о тебе! Москва...
Как много в этом звуке Для
сердца русского слилось! Как
много в нем отозвалось! Вот,
окружен своей дубравой,
Петровский замок. Мрачно он
Недавнею гордится славой.
Напрасно ждал Наполеон,
Последним счастьем упоенный,
Москвы коленопреклоненной С
ключами старого Кремля:
Нет, не пошла Москва моя К
нему с повинной головою. Не
праздник, не приемный дар,
Она готовила пожар
Нетерпеливому герою. Отселе,
в думу погружен, Глядел на
грозный пламень он.

Глава десятая

Властитель слабый и лукавый,
Плешивый щеголь, враг труда,
Нечаянно пригретый славой,
Над нами царствовал тогда.

.....

Его мы очень смирным знали,
Когда не наши повара
Орла двуглавого щипали
У Банапартова шатра.

.....

Гроза двенадцатого года
Настала – кто тут нам помог?
Остервенение народа,

Барклай, зима иль русский бог?

.....

Но бог помог – стал ропот ниже,
И скоро силою вещей Мы
очутились в Париже,
А русский царь главой царей.

1827–1830

Клеветникам России

О чем шумите вы, народные витии?
Зачем анафемой грозите вы России?
Что возмутило вас? волнения Литвы?
Оставьте: это спор славян между собою,
Домашний, старый спор, уж взвешенный
судьбою, Вопрос, которого не разрешите вы.
Уже давно между собою
Враждуют эти племена; Не
раз клонилась под грозою
То их, то наша сторона.
Кто устоит в неравном споре:
Кичливый лях иль верный росс?
Славянские ль ручьи сольются в русском
море? Оно ль иссякнет? вот вопрос.
Оставьте нас: вы не читали
Сии кровавые скрижали;
Вам непонятна, вам чужда
Сия семейная вражда;
Для вас безмолвны Кремль и
Прага; Бессмысленно прельщает
вас Борьбы отчаянной отвага — И
ненавидите вы нас... За что ж?
ответствуйте: за то ли,
Что на развалинах пылающей
Москвы Мы не признали наглой воли
Того, под кем дрожали вы?
За то ль, что в бездну повалили
Мы тяготеющий над царствами
кумир И нашей кровью искупили
Европы вольность, честь и мир?
Вы грозны на словах – попробуйте на деле! Иль
старый богатырь, покойный на постеле, Не в
силах завинтить свой измаильский штык? Иль
русского царя уже бессильно слово?
Иль нам с Европой спорить ново?
Иль русский от побед отвык?
Иль мало нас? Или от Перми до Тавриды,
От финских хладных скал до пламенной
Колхиды, От потрясенного Кремля До стен
недвижного Китая, Стальной щетиною сверкая,
Не встанет русская земля?..

Так высылайте ж нам, витии,
Своих озлобленных сынов:
Есть место им в полях России,

Среди нечуждых им гробов.

М. Ю. Лермонтов

Поле Бородина

1

Всю ночь у пушек пролежали
Мы без палаток, без огней,
Штыки вострили да шептали
Молитву родины своей.
Шумелабуря до рассвета;
Я, голову подняв с лафета,
Товарищу сказал:
«Брат, слушай песню непогоды:
Она дика, как песнь свободы».
Но, вспоминая прежни годы,
Товарищ не слышал.

2

Пробили зорю барабаны,
Восток туманный побелел,
И от врагов удар неожиданный
На батарею прилетел.
И вождь сказал перед полками:
«Ребята, не Москва ль за нами?
Умремте ж под Москвой, Как
наши братья умирали».
И мы погибнуть обещали,
И клятву верности сдержали
Мы в бородинский бой.

3

Что Чесма, Рымник и Полтава?
Я, вспомя, леденею весь,
Там души волновала слава,
Отчаяние было здесь.
Безмолвно мы ряды сомкнули,
Гром грянул, завизжали пули,
Перекрестился я.
Мой пал товарищ, кровь лилася,
Душа от мщенья тряслася,
И пуля смерти понеслася
Из моего ружья.

4

Марш, марш! пошли вперед, и боле
Уж я не помню ничего.

Шесть раз мы уступали поле
Врагу и брали у него.
Носились знамена, как тени,
Я спорил о могильной сени,
В дыму огонь блестел, На
пушки конница летала,
Рука бойцов колоть устала,
И ядрам пролетать мешала
Гора кровавых тел.

5

Живые с мертвыми сравнялись,
И ночь холодная пришла,
И тех, которые остались,
Густою тьмою развела.
И батареи замолчали,
И барабаны застучали,
Противник отступил; Но день
достался нам дороже!
В душе сказав: помилуй боже!
На труп застывший, как на
ложе, Я голову склонил.

6

И крепко, крепко наши спали
Отчизны в роковую ночь.
Мои товарищи, вы пали!
Но этим не могли помочь.
Однако же в преданьях славы
Всё громче Рымника,
Полтавы Гремит Бородино.
Скорей обманет глас пророчий,
Скорей небес погаснут очи, Чем
в памяти сынов полночи
Изгладится оно.

1830–1831

Два великана

В шапке золота литого
Старый русский великан
Поджидал к себе другого
Из далеких чуждых стран.
За горами, за долами Уж
гремел об нем рассказ, И
помериться главами
Захотелось им хоть раз.
И пришел с грозой военной
Трехнедельный удалец, И
рукою дерзновенной Хватъ
за вражеский венец. Но
улыбкой роковою Русский
витязь отвечал: Посмотрел –
тряхнул главою. Ахнул
дерзкий – и упал!
Но упал он в дальнем море
На неведомый гранит,
Там, где буря на просторе
Над пучиною шумит.

1832

Бородино

– Скажи-ка, дядя, ведь не даром Москва,
спаленная пожаром, Французу отдана? Ведь
были ж схватки боевые, Да, говорят, еще
какие!

Недаром помнит вся
Россия Про день Бородина!

– Да, были люди в наше время,

Не то, что нынешнее племя:

Богатыри – не вы!

Плохая им досталась доля:

Немногие вернулись с поля...

Не будь на то господня воля,

Не отдали б Москвы!

Мы долго молча отступали,

Досадно было, боя ждали,

Ворчали старики:

«Что ж мы? на зимние квартиры?

Не смеют, что ли, командиры

Чужие изорвать мундиры

О русские штыки?»

И вот нашли большое поле:

Есть разгуляться где на

воле! Построили редут.

У наших ушки на макушке!

Чуть утро осветило пушки

И леса синие верхушки—

Французы тут как тут. Забил

снаряд я в пушку туго

И думал: угощу я друга!

Постой-ка, брат мусью!

Что тут хитрить, пожалуй к

бою; Уж мы пойдем ломить

стеною, Уж постоим мы

головою За родину свою!

Два дня мы были в перестрелке.

Что толку в этакой безделке? Мы

ждали третий день. Повсюду

стали слышны речи: «Пора

добраться до картечи!»

И вот на поле грозной

сечи Ночная пала тень.

Прилег вздремнуть я у лафета,

И слышно было до рассвета,

Как ликовал француз.

Но тих был наш бивак открытый:

Кто кивер чистил весь избитый,
Кто штык точил, ворча сердито,
Кусая длинный ус.
И только небо засветилось,
Все шумно вдруг зашевелилось,
Сверкнул за строем строй.
Полковник наш рожден был хватом:
Слуга царю, отец солдатам...
Да, жаль его: сражен булатом,
Он спит в земле сырой.
И молвил он, сверкнув очами:
«Ребята! не Москва ль за нами?
Умремте ж под Москвой, Как
наши братья умирали!»
И умереть мы обещали,
И клятву верности сдержали
Мы в Бородинский бой.
Ну ж был денек! Сквозь дым летучий
Французы двинулись, как тучи,
И всё на наш редут.
Уланы с пестрыми значками,
Драгуны с конскими хвостами,
Все промелькнули перед нами,
Все побывали тут.
Вам не видать таких сражений!..
Носились знамена, как тени,
В дыму огонь блестел,
Звучал булат, картечь визжала,
Рука бойцов колоть устала,
И ядрам пролетать мешала
Гора кровавых тел.
Изведал враг в тот день немало,
Что значит русский бой удалый,
Наш рукопашный бой!..
Земля тряслась – как наши груди,
Смешались в кучу кони, люди,
И залпы тысячи орудий
Слились в протяжный вой...
Вот смерклось. Были все готовы
Заутра бой затеять новый
И до конца стоять...
Вот затрещали барабаны—
И отступили басурманы.
Тогда считать мы стали
раны, Товарищей считать.
Да, были люди в наше
время, Могучее, лихое
племя: Богатыри – не вы.
Плохая им досталась доля:

Немногие вернулись с поля.
Когда б на то не божья воля,
Не отдали б Москвы!

1837

Последнее новоселье

Меж тем как Франция, среди рукоплесканий
И криков радостных, встречает хладный
прах Погибшего давно среди немых
страданий В изгнанье мрачном и цепях; Меж
тем как мир услужливой хвалою Венчает
позднего раскаянья прыв
И вздорная толпа, довольная собою,
Гордится, прошлое забыв, —
Негодование и чувству дав свободу,
Поняв тщеславие сих праздничных
забот, Мне хочется сказать великому
народу: Ты жалкий и пустой народ!
Ты жалок потому, что Сила, Слава, Гений,
Все, все великое, священное земли, С
насмешкой глупою ребяческих сомнений
Тобой растоптано в пыли.
Из Славы сделал ты игрушку лицемерья,
Из вольности – орудье палача,
И все заветные, отцовские поверья
Ты им рубил, рубил с плеча;
Ты погибал! – и Он явился, с строгим взором,
Отмеченный божественным перстом,
И признан за вождя всеобщим приговором,
И ваша жизнь слилася в Нем;
И вы окрепли вновь в тени Его державы,
И мир трепещущий в безмолвии
взирал На ризу чудную могущества и
славы, Которой вас Он одевал.
Один – Он был всегда, холодный,
неизменный, Отец седых дружин, любимый
сын молвы, В степях Египетских, у стен
покорной Вены, В снегах пылающей Москвы!
А вы, что делали, скажите, в это время?
Когда в полях чужих Он гордо погибал, Вы
потрясали власть избранную как бремя?
Точили в темноте кинжал?
Среди последних битв, отчаянных усилий,
В испуге не поняв позора своего, Как
женщина Ему вы изменили
И как рабы вы предали Его.
Лишенный прав и места гражданина,
Разбитый свой венец Он снял и бросил сам,
И вам оставил Он в залог родного сына
— Вы сына выдали врагам!
Тогда, отяготив позорными цепями,

Героя увезли от плачущих дружин,
И на чужой Скале, за синими морями,
Забытый, Он угас один — Один, —
замучен мщением бесплодным,
Безмолвною и гордою тоской —
И как простой солдат в плаще своем
походном Зарыт наемною рукой.
Но годы протекли, и ветренное племя
Кричит: «Подайте нам священный этот
прах! Он наш! Его теперь, великой жатвы
семя, Зароем мы в спасенных Им стенах!»
— И возвратился Он на родину; — безумно,
Как прежде, вокруг Него теснятся и бегут,
И в пышный гроб, среди Столицы
шумной, Останки тленные кладут.
Желанье позднее увенчано успехом!
И краткий свой восторг сменив уже
другим, Гуляя топчет их с самодовольным
смехом Толпа, дрожавшая пред Ним.
И грустно мне, когда подумаю, что
ныне Нарушена святая тишина Вокруг
Того, Кто ждал в своей пустыне
Так жадно, столько лет спокойствия и сна!
И если Дух Вождя примчится на свиданье
С гробницей новою, где прах его
лежит, Какое в Нем негодование При
этом виде закипит!
Как будет Он жалеть, печалию томимый,
О знойном острове, под небом дальних стран,
Где сторожил Его, как Он непобедимый, Как
Он великий, Океан!

Н. В. Гоголь

Николай Васильевич Гоголь (фамилия при рождении Яновский, с 1821 года – Гоголь-Яновский) родился 20 марта (1 апреля нового стиля) в местечке Великие Сорочинцы Миргородского уезда Полтавской губернии в семье небогатого помещика. Детские годы прошли в имении родителей Васильевке, рядом с селом Диканька, краем легенд, поверий, историче-ских преданий. В воспитании будущего писателя определенную роль сыграл отец, Василий Афанасьевич, страстный поклонник искусства, любитель театра, автор стихов и остроумных комедий.

После домашнего образования Гоголь провел два года в Полтавском уездном училище, затем поступил в Нежинскую гимназию высших наук, созданную по типу Царскосельского лицея для детей провинциального дворянства. Здесь учился играть на скрипке, занимался живописью, играл в спектаклях, исполняя комические роли. Думая о своем будущем, оста-навливается на юстиции, мечтая «пресекать неправосудие».

После окончания Нежинской гимназии в июне 1828 в декабре отправился в Петербург с надеждой начать широкую деятельность. Службу получить не удалось, первые литератур-ные пробы оказались неудачными. Разочаровавшись, летом 1829 уехал за границу, но скоро возвратился. В ноябре 1829 получил место мелкого чиновника. Серая чиновничья жизнь скрашивалась занятиями живописью в вечерних классах Академии художеств. Кроме того, властно влекла к себе литература.

В 1830 в журнале «Отечественные записки» появилась первая повесть Гоголя «Басаврюк», впоследствии переработанная в повесть «Вечер накануне Ивана Купала». В декабре в альманахе Дельвига «Северные цветы» напечатана глава из исторического романа «Гетьман». Гоголь сблизился с Дельвигом, Жуковским, Пушкиным, дружба с которым имела большое значение для развития общественных взглядов и литературного таланта молодого Гоголя. Пушкин ввел его в свой круг, где бывали Крылов, Вяземский, Одоевский, художник Брюллов, дал ему сюжеты для «Ревизора» и «Мертвых душ». «Когда я творил, – свидетель-ствовал Гоголь, – я видел перед собой только Пушкина... Мне дорого было его вечное и непреложное слово».

Тарас Бульба

Редакция 1842 г. отрывки

I

– А поворотись-ка, сын! Экой ты смешной какой! Что это на вас за поповские подряс-ники? И эдак все ходят в академии? – Такими словами встретил старый Бульба двух сыновей своих, учившихся в киевской бурсе и приехавших домой к отцу.

Сыновья его только что слезли с коней. Это были два дюжие молодца, еще смотревшие исподлобья, как недавно выпущенные семинаристы. Крепкие, здоровые лица их были покрыты первым пухом волос, которого еще не касалась бритва. Они были очень смущены таким приемом отца и стояли неподвижно, потупив глаза в землю.

– Стойте, стойте! Дайте мне разглядеть вас хорошенько, – продолжал он, поворачи-вая их, – какие же длинные на вас свитки! [Свиткой называется верхняя одежда у малорос-сиян. – Прим. Н. В. Гоголя] Экие свитки! Таких свиток еще и на свете не было. А побегу который-нибудь из вас! я посмотрю, не шлепнется ли он на землю, запутавшись в полы.

– Не смейся, не смейся, батьку! – сказал наконец старший из них.

– Смотри ты, какой пышный! А отчего ж бы не смеяться?

– Да так, хоть ты мне и батько, а как будешь смеяться, то, ей-богу, поколочу!

– Ах ты, сякой-такой сын! Как, батька?.. – сказал Тарас Бульба, отступивши с удивле-нием несколько шагов назад.

– Да хоть и батька. За обиду не посмотрю и не уважу никого.

– Как же хочешь ты со мною биться? разве на кулаки?

– Да уж на чем бы то ни было.

– Ну, давай на кулаки! – говорил Тарас Бульба, засучив рукава, – посмотрю я, что за человек ты в кулаке!

И отец с сыном, вместо приветствия после давней отлучки, начали насаживать друг другу тумачи и в бока, и в поясницу, и в грудь, то отступая и оглядываясь, то вновь наступая.

– Смотрите, добрые люди: одурел старый! совсем спятил с ума! – говорила бледная, худощавая и добрая мать их, стоявшая у порога и не успевшая еще обнять ненаглядных детей своих. – Дети приехали домой, больше году их не видали, а он задумал невесть что: на кулаки биться!

– Да он славно бьется! – говорил Бульба, остановившись. – Ей-богу, хорошо! – продолжал он, немного оправляясь, – так, хоть бы даже и не пробовать. Добрый будет козак! Ну, здорово, сынку! почеломкаемся! – И отец с сыном стали целоваться. – Добре, сынку! Вот так колоти всякого, как меня тузил; никому не спускай! А все-таки на тебе смешное убранство: что это за веревка висит? А ты, бейбас, что стоишь и руки опустил? – говорил он, обращаясь к младшему, – что ж ты, собачий сын, не колотишь меня?

– Вот еще что выдумал! – говорила мать, обнимавшая между тем младшего. – И придет же в голову этакое, чтобы дитя родное било отца. Да будто и до того теперь: дитя молодое, проехало столько пути, утомилось (это дитя было двадцати с лишком лет и ровно в сажень ростом), ему бы теперь нужно опочить и поесть чего-нибудь, а он заставляет его биться!

– Э, да ты мазунчик, как я вижу! – говорил Бульба. – Не слушай, сынку, матери: она-баба, она ничего не знает. Какая вам нежба? Ваша нежба – чистое поле да добрый конь: вот ваша нежба! А видите вот эту саблю? вот ваша мать! Это все дрянь, чем набивают головы ваши; и академия, и все те книжки, буквари, и философия – все это ка зна що, я плевать на все это! – Здесь Бульба пригнал в строку такое слово, которое даже не употребляется в

печати. – А вот, лучше, я вас на той же неделе отправлю на Запорожье. Вот где наука так наука! Там вам школа; там только наберетесь разуму.

– И всего только одну неделю быть им дома? – говорила жалостно, со слезами на глазах, худощавая старуха мать. – И погулять им, бедным, не удастся; не удастся и дому родного узнать, и мне не удастся наглядеться на них!

– Полно, полно выть, старуха! Козак не на то, чтобы возиться с бабами. Ты бы спрятала их обоих себе под юбку, да и сидела бы на них, как на куриных яйцах. Ступай, ступай, да ставь нам скорее на стол все, что есть. Не нужно пампушек, медовиков, маковников и других пундиков; тащи нам всего барана, козу давай, меда сорокалетние! Да горелки побольше, не с выдумками горелки, не с изюмом и всякими вытребеньками, а чистой, пенной горелки, чтобы играла и шипела как бешеная.

Бульба повел сыновей своих в светлицу, откуда проворно выбежали две красивые девки-прислужницы в червонных монистах, прибиравшие комнаты. Они, как видно, испугались приезда паничей, не любивших спускать никому, или же просто хотели соблюсти свой женский обычай: вскрикнуть и броситься опростетью, увидевши мужчину, и потому долго закрываться от сильного стыда рукавом. Светлица была убрана во вкусе того времени, о котором живые намеки остались только в песнях да в народных думах, уже не поющих более на Украине боролатыми старцами-слепцами в сопровождении тихого треньканья бандуры, в виду обступившего народа; во вкусе того бранного, трудного времени, когда начались разыгрываться схватки и битвы на Украине за унию. Все было чисто, вымазано цветной глиною. На стенах – сабли, нагайки, сетки для птиц, невода и ружья, хитро обделанный рог для пороху, золотая уздечка на коня и путы с серебряными бляхами. Окна в светлице были маленькие, с круглыми тусклыми стеклами, какие встречаются ныне только в старинных церквях, сквозь которые иначе нельзя было глядеть, как приподняв подвижное стекло. Вокруг окон и дверей были красные отводы. На полках по углам стояли кувшины, бутылки и фляжки зеленого и синего стекла, резные серебряные кубки, позолоченные чарки всякой работы: венецкой, турецкой, черкесской, зашедшие в светлицу Бульбы всякими путями, через третьи и четвертые руки, что было весьма обыкновенно в те удалые времена. Берестовые скамьи вокруг всей комнаты; огромный стол под образами в парадном углу; широкая печь с запечьями, уступами и выступами, покрытая цветными пестрыми изразцами, – все это было очень знакомо нашим двум молодцам, приходившим каждый год домой на каникулярное время; приходившим потому, что у них не было еще коней, и потому, что не в обычае было позволять школярам ездить верхом. У них были только длинные чубы, за которые мог выдрать их всякий козак, носивший оружие. Бульба только при выпуске их послал им из табуна своего пару молодых жеребцов.

Бульба по случаю приезда сыновей велел созвать всех сотников и весь полковой чин, кто только был налицо; и когда пришли двое из них и есаул Дмитро Товкач, старший его товарищ, он им тот же час представил сыновей, говоря: «Вот смотрите, какие молодцы! На Сечь их скоро пошлю». Гости поздравили и Бульбу, и обоих юношей и сказали им, что доброе дело делают и что нет лучшей науки для молодого человека, как Запорожская Сечь.

– Ну ж, паны-браты, садись всякий, где кому лучше, за стол. Ну, сынки! прежде всего выпьем горелки! – так говорил Бульба. – Боже, благослови! Будьте здоровы, сынки: и ты, Остап, и ты, Андрий! Дай же боже, чтоб вы на войне всегда были удачливы! Чтобы бусурме-нов били, и турков бы били, и татарву били бы; когда и ляхи начнут что против веры нашей чинить, то и ляхов бы били! Ну, подставляй свою чарку; что, хороша горелка? А как по-латыни горелка? То-то, сынку, дурни были латынцы: они и не знали, есть ли на свете горелка. Как, бишь, того звали, что латинские вирши писал? Я грамоте разумею не сильно, а потому и не знаю: Гораций, что ли?

«Вишь, какой батько! – подумал про себя старший сын, Остап, – все старый, собака, знает, а еще и прикидывается».

– Я думаю, архимандрит не давал вам и понюхать горелки, – продолжал Тарас. – А признайтесь, сынки, крепко стегали вас березовыми и свежим вишняком по спине и по всему, что ни есть у козака? А может, так как вы сделали уже слишком разумные, так, может, и плетюганам пороли? Чай, не только по субботам, а доставалось и в среду и в четверг?

– Нечего, батько, вспоминать, что было, – отвечал хладнокровно Остап, – что было, то прошло!

– Пусть теперь попробует! – сказал Андрий. – Пускай только теперь кто-нибудь заце-пит. Вот пусть только подвернется теперь какая-нибудь татарва, будет знать она, что за вещь козацкая сабля!

– Добре, сынку! ей-богу, добре! Да когда на то пошло, то и я с вами еду! ей-богу, еду! Какого дьявола мне здесь ждать? Чтоб я стал гречкосеем, домоводом, глядеть за овцами да за свиньями да бабиться с женой? Да пропади она: я козак, не хочу! Так что же, что нет войны? Я так поеду с вами на Запорожье, погулять. Ей-богу, поеду! – И старый Бульба мало-помалу горячился, горячился, наконец рассердился совсем, встал из-за стола и, приосанив-шись, топнул ногою. – Затра же едем! Зачем откладывать! Какого врага мы можем здесь высидеть? На что нам эта хата? К чему нам все это? На что эти горшки? – Сказавши это, он начал колотить и швырять горшки и фляжки.

Бедная старушка, привыкшая уже к таким поступкам своего мужа, печально глядела, сидя на лавке. Она не смела ничего говорить; но услыша о таком страшном для нее решении, она не могла удержаться от слез; взглянула на детей своих, с которыми угрожала ей такая скорая разлука, – и никто бы не мог описать всей безмолвной силы ее горести, которая, казалось, трепетала в глазах ее и в судорожно сжатых губах.

Бульба был упрям страшно. Это был один из тех характеров, которые могли возникнуть только в тяжелый XV век на полукочующем углу Европы, когда вся южная первобытная Россия, оставленная своими князьями, была опустошена, выжжена дотла неукротимыми набегами монгольских хищников; когда, лишившись дома и кровли, стал здесь отважен человек; когда на пожарищах, в виду грозных соседей и вечной опасности, селился он и привыкал глядеть им прямо в очи, разучившись знать, существует ли какая боязнь на свете; когда бранным пламенем объялся древле мирный славянский дух и завелось козачество – широкая, разгульная замашка русской природы, – и когда все поречья, перевозы, прибрежные пологие и удобные места усеялись козаками, которым и счету никто не ведал, и смелые товарищи их были вправе отвечать султану, пожелавшему знать о числе их: «Кто их знает! у нас их раскидано по всему степу: что байрак, то козак» (что маленький пригорок, там уж и козак). Это было, точно, необыкновенное явление русской силы: его вышибло из народной груди огниво бед. Вместо прежних уделов, мелких городков, наполненных псарями и ловчими, вместо враждующих и торгующих городами мелких князей возникли грозные селения, курени и околицы, связанные общей опасностью и ненавистью против нехристианских хищников. Уже известно всем из истории, как их вечная борьба и беспокойная жизнь спасли Европу от неукротимых набегов, грозивших ее опрокинуть. Короли польские, очутившиеся, наме-сто удельных князей, властителями сих пространных земель, хотя отдаленными и слабыми, поняли значение козаков и выгоды таковой бранной сторожевой жизни. Они поощряли их и льстили сему расположению. Под их отдаленною властью гетьманы, избранные из среды самих же козаков, преобразовали околицы и курени в полки и правильные округа. Это не было строевое собранное войско, его бы никто не увидал; но в случае войны и общего движения в восемь дней, не больше, всякий являлся на коне, во всем своем вооружении, получа один только червонец платы от короля, – и в две недели набиралось такое войско, какого бы не в силах были набрать никакие рекрутские наборы. Кончился поход – воин уходил в

луга и пашни, на днепровские перевозы, ловил рыбу, торговал, варил пиво и был вольный козак. Современные иноземцы дивились тогда справедливо необыкновенным способностям его. Не было ремесла, которого бы не знал козак: накурить вина, снарядить телегу, намолоть пороху, справить кузнецкую, слесарную работу и, в прибавку к тому, гулять напропалую, пить и бражничать, как только может один русский, – все это было ему по плечу. Кроме рей-стровых козаков, считавших обязанностью являться во время войны, можно было во всякое время, в случае большой потребности, набрать целые толпы охочекомонных: стоило только есаулам пройти по рынкам и площадям всех сел и местечек и прокричать во весь голос, ставши на телегу: «Эй вы, пивники, броварники! полно вам пиво варить, да валяться по запечьям, да кормить своим жирным телом мух! Ступайте славы рыцарской и чести доби-ваться! Вы, плугари, гречкосеи, овцепасы, баболюбы! полно вам за плугом ходить, да пач-кать в земле свои желтые чеботы, да подбираться к жинкам и губить силу рыцарскую! Пора доставать козацкой славы!» И слова эти были как искры, падавшие на сухое дерево. Пахарь ломал свой плуг, бровари и пивовары кидали свои кади и разбивали бочки, ремесленник и торгаш посылал к черту и ремесло и лавку, бил горшки в доме. И все, что ни было, сади-лось на коня. Словом, русский характер получил здесь могучий, широкий размах, дюжую наружность.

Тарас был один из числа коренных, старых полковников: весь был он создан для бранной тревоги и отличался грубой прямою своего нрава. Тогда влияние Польши начинало уже оказываться на русском дворянстве. Многие перенимали уже польские обычаи, заводили роскошь, великолепные прислуги, соколов, ловчих, обеды, дворы. Тарасу было это не по сердцу. Он любил простую жизнь козаков и перессорился с теми из своих товарищей, которые были склонны к варшавской стороне, называя их холопьями польских панов. Вечно неугомонный, он считал себя законным защитником православия. Самоуправно входил в села, где только жаловались на притеснения арендаторов и на прибавку новых пошлин с дыма. Сам с своими козаками производил над ними расправу и положил себе правилом, что в трех случаях всегда следует взяться за саблю, именно: когда комиссары не уважили в чем старшин и стояли пред ними в шапках, когда поглумились над православием и не почтили предковского закона и, наконец, когда враги были бусурманы и турки, против которых он считал во всяком случае позволительным поднять оружие во славу христианства.

Теперь он тешил себя заранее мыслью, как он явится с двумя сыновьями своими на Сечь и скажет: «Вот посмотрите, каких я молодцов привел к вам!»; как представит их всем старым, закаленным в битвах товарищам; как поглядит на первые подвиги их в ратной науке и бражничестве, которое почитал тоже одним из главных достоинств рыцаря. Он сначала хотел было отправить их одних. Но при виде их свежести, рослости, могучей телесной кра-соты вспыхнул воинский дух его, и он на другой же день решился ехать с ними сам, хотя необходимостью этого была одна упрямая воля. Он уже хлопотал и отдавал приказы, выби-рал коней и сбрую для молодых сыновей, навевался и в конюшни и в амбары, отобрал слуг, которые должны были завтра с ними ехать. Есаулу Товкачу передал свою власть вместе с крепким наказом явиться сей же час со всем полком, если только он подаст из Сечи какую-нибудь весть. Хотя он был и навеселе и в голове его еще бродил хмель, однако ж не забыл ничего. Даже отдал приказ напоить коней и всыпать им в ясли крупной и лучшей пшеницы и пришел усталый от своих забот.

– Ну, дети, теперь надобно спать, а завтра будем делать то, что бог даст. Да не стели нам постель! Нам не нужна постель. Мы будем спать на дворе.

Ночь еще только что обняла небо, но Бульба всегда ложился рано. Он развалился на ковре, накрылся бараньим тулупом, потому что ночной воздух был довольно свеж и потому что Бульба любил укрыться потеплее, когда был дома. Он вскоре захрапел, и за ним после-

довал весь двор; все, что ни лежало в разных его углах, захрапело и запело; прежде всего заснул сторож, потому что более всех напился для приезда паничей.

Одна бедная мать не спала. Она приникла к изголовью дорогих сыновей своих, лежавших рядом; она расчесывала гребнем их молодые, небрежно включенные кудри и смачивала их слезами; она глядела на них вся, глядела всеми чувствами, вся превратилась в одно зрение и не могла наглядеться. Она вскормила их собственной грудью, она возрастила, взлелеяла их – и только на один миг видит их перед собою. «Сыны мои, сыны мои милые! что будет с вами? что ждет вас?» – говорила она, и слезы остановились в морщинах, изменивших ее когда-то прекрасное лицо. В самом деле, она была жалка, как всякая женщина того удалого века. Она миг только жила любовью, только в первую горячку страсти, в первую горячку юности, – и уже суровый прельститель ее покидал ее для сабли, для товарищей, для бражничества. Она видела мужа в год два-три дня, и потом несколько лет о нем не бывало слуху. Да и когда виделась с ним, когда они жили вместе, что за жизнь ее была? Она терпела оскорбления, даже побои; она видела из милости только оказываемые ласки, она была какое-то странное существо в этом сборище безженных рыцарей, на которых разгульное Запорожье набрасывало суровый колорит свой. Молодость без наслаждения мелькнула перед нею, и ее прекрасные свежие щеки и перси без лобзаний отцвели и покрылись преждевременными морщинами. Вся любовь, все чувства, все, что есть нежного и страстного в женщине, все обратилось у ней в одно материнское чувство. Она с жаром, с страстью, с слезами, как степ-ная чайка, вилась над детьми своими. Ее сыновей, ее милых сыновей берут от нее, берут для того, чтобы не увидеть их никогда! Кто знает, может быть, при первой битве татарин срубит им головы и она не будет знать, где лежат брошенные тела их, которые раскроет хищная подорожная птица; а за каждую каплю крови их она отдала бы себя всю. Рыдая, глядела она им в очи, когда всемогущий сон начинал уже смыкать их, и думала: «Авось либо Бульба, проснувшись, отсрочит денька на два отъезд; может быть, он задумал оттого так скоро ехать, что много выпил».

Месяц с вышины неба давно уже озарял весь двор, наполненный спящими, густую кучу верб и высокий бурьян, в котором потонул частокол, окружавший двор. Она все сидела в головах милых сыновей своих, ни на минуту не сводила с них глаз и не думала о сне. Уже кони, чуя рассвет, все полегли на траву и перестали есть; верхние листья верб начали лепетать, и мало-помалу лепечущая струя спустилась по ним до самого низу. Она просидела до самого света, вовсе не была утомлена и внутренне желала, чтобы ночь протянулась как можно дольше. Со степи понеслось звонкое ржание жеребенка; красные полосы ясно сверкнули на небе.

Бульба вдруг проснулся и вскочил. Он очень хорошо помнил все, что приказывал вчера.

– Ну, хлопцы, полно спать! Пора, пора! Напоите коней! А где старá? (Так он обыкновенно называл жену свою.) Живее, стара, готовь нам есть: путь лежит великий!

Бедная старушка, лишенная последней надежды, уныло поплелась в хату. Между тем как она со слезами готовила все, что нужно к завтраку, Бульба раздавал свои приказания, возился на конюшне и сам выбирал для детей своих лучшие убранства. Бурсаки вдруг преобразились: на них явились, вместо прежних запачканных сапогов, сафьянные красные, с серебряными подковами; шаровары шириною в Черное море, с тысячью складок и со сборами, перетянулись золотым очкуром; к очкуру прицеплены были длинные ремешки, с кистями и прочими побрякушками, для трубки. Казакин алого цвета, сукна яркого, как огонь, опоясался узорчатым поясом; чеканные турецкие пистолеты были задвинуты за пояс; сабля брякала по ногам. Их лица, еще мало загоревшие, казалось, похорошели и побелели; молодые черные усы теперь как-то ярче оттеняли белизну их и здоровый, мощный цвет юности; они были хороши под черными бараньими шапками с золотым верхом. Бедная мать как увидела их, и слова не могла промолвить, и слезы остановились в глазах ее.

– Ну, сыны, все готово! нечего мешкать! – произнес наконец Бульба. – Теперь, по обычаю христианскому, нужно перед дорогою всем присесть.

Все сели, не выключая даже и хлопцев, стоявших почтительно у дверей.

– Теперь благослови, мать, детей своих! – сказал Бульба. – Моли бога, чтобы они воевали храбро, защищали бы всегда честь рыцарскую [рыцарскую – Прим. Н.В.Гоголя], чтобы стояли всегда за веру Христову, а не то – пусть лучше пропадут, чтобы и духу их не было на свете! Подойдите, дети, к матери: молитва материнская и на воде и на земле спасает.

Мать, слабая, как мать, обняла их, вынула две небольшие иконы, надела им, рыдая, на шею.

– Пусть хранит вас... божья мать... Не забывайте, сынки, мать вашу... пришлите хоть весточку о себе... – Далее она не могла говорить.

– Ну, пойдем, дети! – сказал Бульба.

У крыльца стояли оседланные кони. Бульба вскочил на своего Черта, который бешено отшатнулся, почувствовав на себе двадцатипудовое бремя, потому что Тарас был чрезвычайно тяжел и толст.

Когда увидела мать, что уже и сыны ее сели на коней, она кинулась к меньшому, у которого в чертах лица выражалось более какой-то нежности: она схватила его за стремя, она прилипнула к седлу его и с отчаяньем в глазах не выпускала его из рук своих. Два дюжих козака взяли ее бережно и унесли в хату. Но когда выехали они за ворота, она со всею лег-костию дикой козы, несообразной ее летам, выбежала за ворота, с непостижимой силою остановила лошадь и обняла одного из сыновей с какою-то помешанною, бесчувственною горячностью; ее опять увели.

Молодые козаки ехали смутно и удерживали слезы, боясь отца, который, с своей стороны, был тоже несколько смущен, хотя старался этого не показывать. День был серый; зелень сверкала ярко; птицы щебетали как-то вразлад. Они, проехавши, оглянулись назад; хутор их как будто ушел в землю; только видны были над землей две трубы скромного их домика да вершины деревьев, по сучьям которых они лазили, как белки; один только дальний луг еще стлался перед ними, – тот луг, по которому они могли припомнить всю историю своей жизни, от лет, когда катались по росистой траве его, до лет, когда поджидали в нем чернобровую козачку, боязливо перелетавшую через него с помощью своих свежих, быстрых ног. Вот уже один только шест над колодцем с привязанным вверху колесом от телеги одиноко торчит в небе; уже равнина, которую они проехали, кажется издала горою и все собою закрыла. – Прощайте и детство, и игры, и всё, и всё!

<...>

IX

В городе не узнал никто, что половина запорожцев выступила в погоню за татарами. С магистратской башни приметили только часовые, что потянулась часть возов за лес; но подумали, что козаки готовились сделать засаду; тоже думал и французский инженер. А между тем слова кошевого не прошли даром, и в городе оказался недостаток в съестных припасах. По обычаю прошедших веков, войска не разочли, сколько им было нужно. Попробовали сделать вылазку, но половина смельчаков была тут же перебита козаками, а половина прогнана в город ни с чем. Жиды, однако же, воспользовались вылазкою и пронюхали всё: куда и зачем отправились запорожцы, и с какими военачальниками, и какие именно курени, и сколько их числом, и сколько было оставшихся на месте, и что они думают делать, – словом, чрез несколько уже минут в городе всё узнали. Полковники ободрились и готовились дать сражение. Тарас уже видел то по движенью и шуму в городе и расторопно хлопотал, строил, раздавал приказы и наказы, уставил в три таборы курени, обнесши их возами в виде

крепостей, – род битвы, в которой бывали непобедимы запорожцы; двум куреням повелел забраться в засаду: убил часть поля острыми кольями, изломанным оружием, обломками копьев, чтобы при случае нагнать туда неприятельскую конницу. И когда все было сделано как нужно, сказал речь козакам, не для того, чтобы ободрить и освежить их, – знал, что и без того крепки они духом, – а просто самому хотелось высказать все, что было на сердце.

– Хочется мне вам сказать, панове, что такое есть наше товарищество. Вы слышали от отцов и дедов, в какой чести у всех была земля наша: и грекам дала знать себя, и с Царьграда брала червонцы, и города были пышные, и храмы, и князья, князья русского рода, свои князья, а не католические недоверки. Все взяли бусурманы, все пропало. Только остались мы, сирые, да, как вдовица после крепкого мужа, сирая, так же как и мы, земля наша! Вот в какое время подали мы, товарищи, руку на братство! Вот на чем стоит наше товарищество! Нет уз святее товарищества! Отец любит свое дитя, мать любит свое дитя, дитя любит отца и мать. Но это не то, братцы: любит и зверь свое дитя. Но породниться родством по душе, а не по крови, может один только человек. Бывали и в других землях товарищи, но таких, как в Русской земле, не было таких товарищей. Вам случалось не одному помногу пропадать на чужбине; видишь – и там люди! также божий человек, и разговоришься с ним, как с своим; а как дойдет до того, чтобы поведать сердечное слово, – видишь: нет, умные люди, да не те; такие же люди, да не те! Нет, братцы, так любить, как русская душа, – любить не то чтобы умом или чем другим, а всем, чем дал бог, что ни есть в тебе, а... – сказал Тарас, и махнул рукой, и потряс седою головою, и усом моргнул, и сказал: – Нет, так любить никто не может! Знаю, подло завелось теперь на земле нашей; думают только, чтобы при них были хлебные стоги, скирды да конные табуны их, да были бы целы в погребках запечатанные меды их. Перенимают черт знает какие бусурманские обычаи; гнушаются языком своим; свой с своим не хочет говорить; свой своего продает, как продают бездушную тварь на торговом рынке. Милость чужого короля, да и не короля, а паскудная милость польского магната, который желтым чеботом своим бьет их в морду, дороже для них всякого братства. Но у последнего подлюки, каков он ни есть, хоть весь извалялся он в саже и в поклонничестве, есть и у того, братцы, крупица русского чувства. И проснется оно когда-нибудь, и ударится он, горемычный, об полы руками, схватит себя за голову, проклявши громко подлую жизнь свою, готовый муками искупить позорное дело. Пусть же знают они все, что такое значит в Русской земле товарищество! Уж если на то пошло, чтобы умирать, – так никому ж из них не доведется так умирать!.. Никому, никому!.. Не хватит у них на то мышинной натуры их!

Так говорил атаман и, когда кончил речь, все еще потрясал посеребрившеюся в козацких делах головою. Всех, кто ни стоял, разобрала сильно такая речь, дошед далеко, до самого сердца. Самые старейшие в рядах стали неподвижны, потупив седые головы в землю; слеза тихо накатывалась в старых очах; медленно отирали они ее рукавом. И потом все, как будто сговорившись, махнули в одно время рукою и потрясли бывалыми головами. Знать, видно, много напомнил им старый Тарас знакомого и лучшего, что бывает на сердце у человека, умудренного горем, трудом, удалью и всяким невзгодьем жизни, или хотя и не познавшего их, но много почуявшего молодою жемчужною душою на вечную радость старцам родителе-лям, родившим их.

А из города уже выступало неприятельское войско, гремя в литавры и трубы, и, подбоченившись, выезжали паны, окруженные несметными слугами. Толстый полковник отдавал приказы. И стали наступать они тесно на козацкие таборы, грозя, нацеливаясь пища-лями, сверкая очами и блеща медными доспехами. Как только увидели козаки, что подошли они на ружейный выстрел, все разом грянули в семипядные пищали, и, не перерывая, всё палили они из пищалей. Далеко понеслось громкое хлопанье по всем окрестным полям и нивам, сливаясь в непрерывный гул; дымом затянуло все поле, а запорожцы всё палили, не переводя духу: задние только заряжали да передавали передним, наводя изумление на

неприятеля, не могшего понять, как стреляли козаки, не заряжая ружей. Уже не видно было за великим дымом, обнявшим то и другое воинство, не видно было, как то одного, то другого не ставало в рядах; но чувствовали ляхи, что густо летели пули и жарко становилось дело; и когда попятились назад, чтобы посторониться от дыма и оглядеться, то многих недосчитались в рядах своих. А у козаков, может быть, другой-третий был убит на всю сотню. И всё продолжали палить козаки из пищалей, ни на минуту не давая промежутка. Сам иноземный инженер подивился такой, никогда им не виданной тактике, сказавши тут же, при всех: «Вот brave молодцы-запорожцы! Вот как нужно биться и другим в других землях!» И дал совет поворотить тут же на табор пушки. Тяжело ревнули широкими горлами чугунные пушки; дрогнула, далеко загудевши, земля, и вдвое больше затянуло дымом все поле. Почуяли запах пороха среди площадей и улиц в дальних и ближних городах. Но нацелившие взяли слишком высоко: раскаленные ядра выгнули слишком высокую дугу. Страшно завизжав по воздуху, перелетели они через головы всего табора и углубились далеко в землю, взорвав и взметнув высоко на воздух черную землю. Ухватил себя за волосы французский инженер при виде такого неискусства и сам принялся наводить пушки, не глядя на то, что жарили и сыпали пулями беспорядочно козаки.

Тарас видел еще издали, что беда будет всему Незамайковскому и Стебликивскому куреню, и вскрикнул зычно: «Выбирайтесь скорей из-за возов, и садись всякий на коня!» Но не успели бы сделать то и другое козаки, если бы Остап не ударил в самую середину; выбил фитили у шести пушкарей, у четырех только не мог выбить: отогнали его назад ляхи. А тем временем иноземный капитан сам взял в руку фитиль, чтобы выпалить из величайшей пушки, какой никто из казаков не видывал дотолу. Страшно глядела она широкою пастью, и тысяча смертей глядело оттуда. И как грянула она, а за нею следом три другие, четырехкратно потрясши глухо-ответную землю, – много нанесли они горя! Не по одному козаку взрыдает старая мать, ударяя себя костистыми руками в дряхлые перси. Не одна останется вдова в Глухове, Немирове, Чернигове и других городах. Будет, сердечная, выбегать всякий день на базар, хватаясь за всех проходящих, распознавая каждого из них в очи, нет ли между их одного, милейшего всех. Но много пройдет через город всякого войска, и вечно не будет между ними одного, милейшего всех.

Так, как будто и не бывало половины Незамайковского куреня! Как градом выбивает вдруг всю ниву, где, что полновесный червонец, красовался всякий колос, так их выбило и положило.

Как же вскинулись козаки! Как схватились все! Как закипел куренной атаман Кукубенко, увидевши, что лучшей половины куреня его нет! Разом вбился он с остальными сво-ими незамайковцами в самую середину. В гневе иссек в капусту первого попавшегося, мно-гих конников сбил с коней, доставши копьем и конника и коня, пробрался к пушкарям и уже отбил одну пушку. А уж там, видит, хлопочет уманский куренной атаман и Степан Гуска уже отбивает главную пушку. Оставил он тех козаков и поворотил с своими в другую непри-ятельскую гущу. Так, где прошли незамайковцы – так там и улица, где поворотились – так уж там и переулочек! Так и видно, как редели ряды и снопами валились ляхи! А у самых возов Вовтузенко, а спереди Черевиченко, а у дальних возов Дёгтяренко, а за ним куренной атаман Вертыхвист. Двух уже шляхтичей поднял на копье Дёгтяренко, да напал наконец на непо-датливого третьего. Увертлив и крепок был лях, пышной сбруей украшен и пятьдесят одних слуг привел с собою. Согнул он крепко Дёгтяренка, сбил его на землю и уже, замахнувшись на него саблей, кричал: «Нет из вас, собак-козаков, ни одного, кто бы посмел противустать мне!»

«А вот есть же!» – сказал и выступил вперед Мосий Шило. Сильный был он козак, не раз атаманствовал на море и много натерпелся всяких бед. Схватили их турки у самого Трапезонта и всех забрали невольниками на галеры, взяли их по рукам и ногам в железные

цепи, не давали по целым неделям пшена и поили противной морской водою. Все выносили и вытерпели бедные невольники, лишь бы не переменять православной веры. Не вытерпел атаман Мосий Шило, истоптал ногами святой закон, скверною чалмой обвил грешную голову, вошел в доверенность к паше, стал ключником на корабле и старшим над всеми невольниками. Много опечалились оттого бедные невольники, ибо знали, что если свой про-даст веру и пристанет к угнетателям, то тяжелей и горше быть под его рукой, чем под всяким другим нехристом. Так и сбылось. Всех посадил Мосий Шило в новые цепи по три в ряд, прикрутил им до самых белых костей жестокие веревки; всех перебил по шеям, угощая под-затыльниками. И когда турки, обрадовавшись, что достали себе такого слугу, стали пировать и, позабыв закон свой, все перепились, он принес все шестьдесят четыре ключа и роздал невольникам, чтобы отмыкали себя, бросали бы цепи и кандалы в море, а брали бы наместо того сабли да рубили турков. Много тогда набрали козаки добычи и воротились со славою в отчизну, и долго бандуристы прославляли Мосия Шила. Выбрали бы его в кошевые, да был совсем чудной козак. Иной раз повершал такое дело, какого мудрейшему не придумать, а в другой – просто дурь одолевала казака. Пропил он и прогулял все, всем задолжал на Сечи и, в прибавку к тому, прокрался, как уличный вор: ночью утащил из чужого куреня всю козацкую сбрую и заложил шинкарю. За такое позорное дело привязали его на базаре к столбу и положили возле дубину, чтобы всякий по мере сил своих отвесил ему по удару. Но не нашлось такого из всех запорожцев, кто бы поднял на него дубину, помня прежние его заслуги. Таков был козак Мосий Шило.

«Так есть же такие, которые бьют вас, собак!» – сказал он, ринувшись на него. И уж так-то рубились они! И наплечники и зеркала погнулись у обоих от ударов. Разрубил на нем вражий лях железную рубашку, достав лезвием самого тела: зачервонела козацкая рубашка.

Но не поглядел на то Шило, а замахнулся всей жилистой рукою (тяжела была корена-стая рука) и оглушил его внезапно по голове. Разлетелась медная шапка, зашатался и грянулся лях, а Шило принялся рубить и крестить оглушенного. Не добивай, козак, врага, а лучше повернись назад! Не повернулся козак назад, и тут же один из слуг убитого хватил его ножом в шею. Поворотился Шило и уж достал было смельчака, но он пропал в порохо-вом дыме. Со всех сторон поднялось хлопанье из самопалов. Пошатнулся Шило и почувал, что рана была смертельна. Упал он, наложил руку на свою рану и сказал, обратившись к товарищам: «Прощайте, паныбратья, товарищи! Пусть же стоит на вечные времена право-славная Русская земля и будет ей вечная честь!» И зажмурил ослабшие свои очи, и вынес-лась козацкая душа из сурового тела. А там уже выезжал Задорожный с своими, ломил ряды куренной Вертыхвист и выступал Балаган.

– А что, паны? – сказал Тарас, перекликнувшись с куренными. – Есть еще порох в пороховницах? Не ослабела ли козацкая сила? Не гнутся ли козаки?

– Есть еще, батько, порох в пороховницах. Не ослабела еще козацкая сила; еще не гнутся казаки!

И наперли сильно козаки: совсем смешали все ряды. Низкорослый полковник ударил сбор и велел выкинуть восемь малеванных знамен, чтобы собрать своих, рассыпавшихся далеко по всему полю. Все бежали ляхи к знаменам; но не успели они еще выстроиться, как уже куренной атаман Кукубенко ударил вновь с своими незамайковцами в середину и напал прямо на толстопузого полковника. Не выдержал полковник и, поворотив коня, пустился вскачь; а Кукубенко далеко гнал его через все поле, не дав ему соединиться с полком. Завидев то с бокового куреня, Степан Гуска пустился ему навпереймы, с арканом в руке, всю пригнувши голову к лошадиной шее, и, улучивши время, с одного раза накиннул аркан ему на шею. Весь побагровел полковник, ухватясь за веревку обеими руками и силясь разорвать ее, но уже дюжий размах вогнал ему в самый живот гибельную пику. Там и остался он, пригвожденный к земле. Но несдобровать и Гуске! Не успели оглянуться козаки, как уже уви-

дели Степана Гуску, поднятого на четыре копыя. Только и успел-сказать бедняк: «Пусть же пропадут все враги и ликует вечные веки Русская земля!» И там же испустил дух свой.

Оглянулись козаки, а уж там, сбоку, козак Метельца угощает ляхов, шеломя того и другого; а уж там, с другого, напирает с своими атаман Невылычкий; а у возов ворочает врага и бьется Закрутыгуба; а у дальних возов третий Пысаренко отогнал уже целую ватагу.

А уж там, у других возов, схватились и бьются на самых возах.

– Что, паны? – перекликнулся атаман Тарас, проехавши впереди всех. – Есть ли еще порох в пороховницах? Крепка ли еще козацкая сила? Не гнутся ли еще козаки?

– Есть еще, батько, порох в пороховницах; еще крепка козацкая сила; еще не гнутся козаки!

А уж упал с воза Бовдюг. Прямо под самое сердце прилась ему пуля, но собрал старый весь дух свой и сказал: «Не жаль расстаться с светом. Дай бог и всякому такой кончины! Пусть же славится до конца века Русская земля!» И понеслась к вышинам Бовдюгова душа рассказать давно отошедшим старцам, как умеют биться на Русской земле и, еще лучше того, как умеют умирать в ней за святую веру.

Балабан, куренной атаман, скоро после него грянулся также на землю. Три смертельные раны достались ему: от копыя, от пули и от тяжелого палаша. А был один из доблестнейших козаков; много совершил он под своим атаманством морских походов, но славнее всех был поход к анатолийским берегам. Много набрали они тогда цехинов, дорогой турецкой габы, киндяков и всяких убранств, но мыкнули горе на обратном пути: попались, сердечные, под турецкие ядра. Какхватило их с корабля – половина челнов закружилась и перевернулась, потопивши не одного в воду, но привязанные к бокам камыши спасли челны от потопления. Балабан отплыл на всех веслах, стал прямо к солнцу и через то сделался невиден турецкому кораблю. Всю ночь потом черпаками и шапками выбирали они воду, лаяя пробитые места; из козацких штанов нарезали парусов, понесли и убежали от быстрейшего турецкого корабля. И мало того что прибыли безбедно на Сечу, привезли еще златошвейную ризу архимандриту Межигорского киевского монастыря и на Покров, что на Запорожье, оклад из чистого серебра. И славили долго потом бандуристы удачливость Козаков. Поникнул он теперь головою, почуяв предсмертные муки, и тихо сказал: «Сдается мне, паны-братья, умираю хорошою смертью: семерых изрубил, девятерых копьем исколол. Истоптал конем вдоволь, а уж не припомню, скольких достал пулею. Пусть же цветет вечно Русская земля!..» И отлетела его душа.

Козаки, козаки! не выдавайте лучшего цвета вашего войска! Уже обступили Кукубенка, уже семь человек только осталось из всего Незамайковского куреня; уже и те отбиваются через силу; уже окровавилась на нем одежда. Сам Тарас, увидя беду его, поспешил на выручку. Но поздно подоспели козаки: уже успело ему углубиться под сердце копье прежде, чем были отогнаны обступившие его враги. Тихо склонился он на руки подхватившим его козакам, и хлынула ручьем молодая кровь, подобно дорогому вину, которое несли в склянном сосуде из погреба неосторожные слуги, поскользнулись тут же у входа и разбили дорогую сулею: все разлилось на землю вино, и схватил себя за голову прибежавший хозяин, сберегавший его про лучший случай в жизни, чтобы если приведет бог на старости лет встретиться с товарищем юности, то чтобы помянуть бы вместе с ним прежнее, иное время, когда иначе и лучше веселился человек... Повел Кукубенко вокруг себя очами и проговорил: «Благодарю бога, что довелось мне умереть при глазах ваших, товарищи! Пусть же после нас живут еще лучшие, чем мы, и красуется вечно любимая Христом Русская земля!» И вылетела молодая душа. Подняли ее ангелы под руки и понесли к небесам. Хорошо будет ему там. «Садись, Кукубенко, одесную меня! – скажет ему Христос, – ты не изменил товариществу, бесчестного дела не сделал, не выдал в беде человека, хранил и сберегал мою церковь». Всех

опечалила смерть Кукубенка. Уже редели сильно козацкие ряды; многих, многих храбрых уже недосчитывались; но стояли и держались еще козаки.

– А что, пань? – перекликнулся Тарас с оставшимися куренями. – Есть ли еще порох в пороховницах? Не иступились ли сабли? Не утомилась ли козацкая сила? Не погнулись ли козаки?

– Достанет еще, батько, пороху! Годятся еще сабли; не утомилась козацкая сила; не погнулись еще козаки!

И рванулись снова козаки так, как бы и потерь никаких не потерпели. Уже три только куренных атамана осталось в живых. Червонели уже всюду красные реки; высоко гатились мосты из козацких и вражьих тел. Взглянул Тарас на небо, а уж по небу потянулась вереница кречетов. Ну, будет кому-то пожива! А уж там подняли на копье Метельцю. Уже голова другого Пысаренка, завертевшись, захлопала очами. Уже подломился и бухнулся о землю начетверо изрубленный Охрим Гуска. «Ну!» – сказал Тарас и махнул платком. Понял тот знак Остап и ударил сильно, вырвавшись из засады, в конницу. Не выдержали сильного напору ляхи, а он их гнал и нагнал прямо на место, где были убиты в землю копья и обломки копьев. Пошли спотыкаться и падать кони и лететь через их головы ляхи. А в это время корсунцы, стоявшие последние за возами, увидевши, что уже достанет ружейная пуля, грянули вдруг из самопалов. Все сбились и растерялись ляхи, и приободрились козаки. «Вот и наша победа!» – раздались со всех сторон запорожские голоса, затрубили в трубы и выкинули победную хоругвь. Везде бежали и крылись разбитые ляхи. «Ну, нет, еще не совсем победа!» – сказал Тарас, глядя на городские ворота, и сказал он правду.

Отворились ворота, и вылетел оттуда гусарский полк, краса всех конных полков. Под всеми всадниками были все как один бурые аргамаки. Впереди других понесся витязь всех бойчее, всех красивее. Так и летели черные волосы из-под медной его шапки; вился завязанный на руке дорогой шарф, шитый руками первой красавицы. Так и оторопел Тарас, когда увидел, что это был Андрий. А он между тем, объятый пылом и жаром битвы, жадный заслужить навязанный на руку подарок, понесся, как молодой борзой пес, красивейший, быстрейший и младший всех в стае. Атукнул на него опытный охотник – и он понесся, пустив прямой чертой по воздуху свои ноги, весь покосившись набок всем телом, взрывая снег и десять раз выпереживая самого зайца в жару своего бега. Остановился старый Тарас и глядел на то, как он чистил перед собою дорогу, разгонял, рубил и сыпал удары направо и налево. Не вытерпел Тарас и закричал: «Как?.. Своих?.. Своих, чертов сын, своих бьешь?..» Но Андрий не различал, кто пред ним был, свои или другие какие; ничего не видел он. Кудри, кудри он видел, длинные, длинные кудри, и подобную речному лебедю грудь, и снежную шею, и плечи, и все, что создано для безумных поцелуев.

«Эй, хлопьята! заманите мне только его к лесу, заманите мне только его!» – кричал Тарас. И вызвалось тот же час тридцать быстрейших козаков заманить его. И, поправив на себе высокие шапки, тут же пустились на конях прямо наперерез гусарам. Ударили сбоку на передних, сбили их, отделили от задних, дали по гостинцу тому и другому, а Голокопытенко хватил плашмя по спине Андрия, и в тот же час пустились бежать от них, сколько достало козацкой мочи. Как вскинулся Андрий! Как забунтовала по всем жилкам молодая кровь! Ударив острыми шпорами коня, во весь дух полетел он за козаками, не глядя назад, не видя, что позади всего только двадцать человек успело поспевать за ним. А козаки летели во всю прыть на конях и прямо поворотили к лесу. Разогнался на коне Андрий и чуть было уже не настигнул Голокопытенка, как вдруг чья-то сильная рука ухватила за повод его коня. Оглянулся Андрий: пред ним Тарас! Затрясся он всем телом и вдруг стал бледен...

Так школьник, неосторожно задравши своего товарища и получивши за то от него удар линейкою по лбу, вспыхивает, как огонь, бешеный выскакивает из лавки и гонится за испуганным товарищем своим, готовый разорвать его на части; и вдруг наталкивается на входя-

щего в класс учителя: вмиг притихает бешеный порыв и упадает бессильная ярость. Подобно ему, в один миг пропал, как бы не бывал вовсе, гнев Андрия. И видел он перед собою одного только страшного отца.

– Ну, что ж теперь мы будем делать? – сказал Тарас, смотря прямо ему в очи.

Но ничего не знал на то сказать Андрий и стоял, утупивши в землю очи.

– Что, сынку, помогли тебе твои ляхи?

Андрий был безответен.

– Так продать? продать веру? продать своих? Стой же, слезай с коня!

Покорно, как ребенок, слез он с коня и остановился ни жив ни мертв перед Тарасом.

– Стой и не шевелись! Я тебя породил, я тебя и убью! – сказал Тарас и, отступивши шаг назад, снял с плеча ружье.

Бледен как полотно был Андрий; видно было, как тихо шевелились уста его и как он произносил чье-то имя; но это не было имя отчизны, или матери, или братьев – это было имя прекрасной полячки. Тарас выстрелил.

Как хлебный колос, подрезанный серпом, как молодой барашек, почувывая под сердцем смертельное железо, повис он головой и повалился на траву, не сказавши ни одного слова.

Остановился сыноубийца и глядел долго на бездыханный труп. Он был и мертвый пре-красен: мужественное лицо его, недавно исполненное силы и непобедимого для жен очаро-ванья, все еще выражало чудную красоту; черные брови, как траурный бархат, оттеняли его побледневшие черты.

– Чем бы не козак был? – сказал Тарас, – и станом высокий, и чернобровый, и лицо как у дворянина, и рука была крепка в бою! Пропал, пропал бесславно, как подлая собака!

– Батько, что ты сделал? Это ты убил его? – сказал подъехавший в это время

Остап. Тарас кивнул головою.

Пристально поглядел мертвому в очи Остап. Жалко ему стало брата, и проговорил он тут же:

– Предадим же, батько, его честно земле, чтобы не поругались над ним враги и не растаскали бы его тела хищные птицы.

– Погребут его и без нас! – сказал Тарас, – будут у него плакальщики и утешницы!

И минуты две думал он, кинуть ли его на расхищенье волкам-сыромахам или пощадить в нем рыцарскую доблесть, которую храбрый должен уважать в ком бы то ни было. Как видит, скачет к нему на коне Голокопытенко:

– Беда, атаман, окрепли ляхи, прибыла на подмогу свежая сила!..

Не успел сказать Голокопытенко, скачет Вовтузенко:

– Беда, атаман, новая валит еще сила!..

Не успел сказать Вовтузенко, Пысаренко бежит бегом, уже без коня:

– Где ты, батьку? Ищут тебя козаки. Уж убит куренной атаман Невылычкий, Задорож-ний убит, Черевиченко убит. Но стоят козаки, не хотят умирать, не увидев тебя в очи; хотят, чтобы взглянул ты на них перед смертным часом!

– На коня, Остап! – сказал Тарас и спешил, чтобы застать еще козаков, чтобы поглядеть еще на них и чтобы они взглянули перед смертью на своего атамана.

Но не выехали они еще из лесу, а уж неприятельская сила окружила со всех сторон лес, и меж деревьями везде показались всадники с саблями и копьями. «Остап!.. Остап, не поддавайся!..» – кричал Тарас, а сам, схвативши саблю наголо, начал честить первых попавшихся на все боки. А на Остапа уже наскочило вдруг шестеро; но не в добрый час, видно, наскочило: с одного полетела голова, другой перевернулся, отступивши; угодило копьём в ребро третьего; четвертый был поотважней, уклонился головой от пули, и попала в конскую грудь горячая пуля, – вздыбился бешеный конь, грянулся о землю и задавил под собою всад-

ника. «Добре, сынку!.. Добре, Остап!.. – кричал Тарас. – Вот я следом за тобою!..» А сам все отбивался от наступавших. Рубится и бьется Тарас, сыплет гостинцы тому и другому на голову, а сам глядит все вперед на Остапа и видит, что уже вновь схватилось с Остапом мало не восьмеро разом. «Остап!.. Остап, не поддавайся!..» Но уж одолевают Остапа; уже один накинул ему на шею аркан, уже вяжут, уже берут Остапа. «Эх, Остап, Остап!.. – кричал Тарас, пробиваясь к нему, рубя в капусту встречных и поперечных. – Эх, Остап, Остап!..» Но как тяжелым камнем хватило его самого в ту же минуту. Все закружилось и перевернулось в глазах его. На миг смешанно сверкнули пред ним головы, копыта, дым, блески огня, сучья с древесными листьями, мелькнувшие ему в самые очи. И грохнулся он, как подрубленный дуб, на землю. И туман покрыл его очи.

<...>

XII

Отыскался след Тарасов. Сто двадцать тысяч козацкого войска показалось на границах Украины. Это уже не была какая-нибудь малая часть или отряд, выступивший на добычу или на угон за татарами. Нет, поднялась вся нация, ибо переполнилось терпение народа, – поднялась отмстить за посмеянье прав своих, за позорное унижение своих нравов, за оскорбление веры предков и святого обычая, за посрамление церквей, за бесчинства чужеземных панов, за угнетенье, за унию, за позорное владычество жидовства на христианской земле – за все, что копило и сугубило с давних времен суровую ненависть козаков. Молодой, но сильный духом гетьман Острица предводил всею несметною козацкою силою. Возле был виден престарелый, опытный товарищ его и советник, Гуня. Восемь полковников вели двенадцатитысячные полки. Два генеральные есаула и генеральный бунчужный ехали вслед за гетьманом. Генеральный хорунжий предводил главное знамя; много других хоругвей и знамен развевалось вдали; бунчуковые товарищи несли бунчуки. Много также было других чинов полковых: обозных, войсковых товарищей, полковых писарей и с ними пеших и конных отрядов; почти столько же, сколько было рейстровых козаков, набралось охочекомонных и вольных. Отсюда поднялись козаки: от Чигирина, от Переяслава, от Батурина, от Глухова, от низовой стороны днепровской и от всех его верховий и островов. Без счету кони и несметные таборы телег тянулись по полям. И между теми-то козаками, между теми восьмью полками отборнее всех был один полк, и полком тем предводил Тарас Бульба. Все давало ему перевес пред другими: и преклонные лета, и опытность, и умение двигать своим войском, и сильнейшая всех ненависть к врагам. Даже самим козакам казалась чрезмерною его беспощадная свирепость и жестокость. Только огонь да виселицу определяла седая голова его, и совет его в войсковом совете дышал только одним истреблением.

Нечего описывать всех битв, где показали себя козаки, ни всего постепенного хода кампании: все это внесено в летописные страницы. Известно, какова в Русской земле война, поднятая за веру: нет силы сильнее веры. Непреоборима и грозна она, как нерукотворная скала среди бурного, вечно изменчивого моря. Из самой середины морского дна возносит она к небесам непроломные свои стены, вся созданная из одного цельного, сплошного камня. Отсюда видна она и глядит прямо в очи мимобегущим волнам. И горе кораблю, который нанесется на нее! В щепы летят бессильные его снасти, тонет и ломится в прах все, что ни есть на них, и жалким криком погибающих оглашается пораженный воздух.

В летописных страницах изображено подробно, как бежали польские гарнизоны из освобождаемых городов; как были перевешаны бессовестные арендаторы-жиды; как слаб был коронный гетьман Николай Потоцкий с многочисленною своею армиею против этой непреодолимой силы; как, разбитый, преследуемый, перетопил он в небольшой речке лучшую часть своего войска; как облегли его в небольшом местечке Полонном грозные козацкие

полки и как, приведенный в крайность, польский гетьман клятвенно обещал полное удовлетворение во всем со стороны короля и государственных чинов и возвращение всех прежних прав и преимуществ. Но не такие были козаки, чтобы поддаться на то: знали они уже, что такое польская клятва. И Потоцкий не красовался бы больше на шеститысячном своем аргамаке, привлекая взоры знатных панны и зависть дворянства, не шумел бы на сеймах, задавая роскошные пиры сенаторам, если бы не спасло его находившееся в местечке русское духовенство. Когда вышли навстречу все попы в светлых золотых ризах, неся иконы и кресты, и впереди сам архиерей с крестом в руке и в пастырской митре, преклонили козаки все свои головы и сняли шапки. Никого не уважили бы они на ту пору, ниже самого короля, но против своей церкви христианской не посмели и уважили свое духовенство. Согласился гетьман вместе с полковниками отпустить Потоцкого, взявши с него клятвенную присягу оставить на свободе все христианские церкви, забыть старую вражду и не наносить никакой обиды козацкому воинству. Один только полковник не согласился на такой мир. Тот один был Тарас. Вырвал он клочок волос из головы своей и вскрикнул:

– Эй, гетьман и полковники! не сделайте такого бабьего дела! не верьте ляхам: продадут псяюхи!

Когда же полковой писарь подал условие и гетьман приложил свою властную руку, он снял с себя чистый булат, дорогую турецкую саблю из первейшего железа, разломил ее надвое, как трость, и кинул врозь, далеко в разные стороны оба конца, сказав:

– Прощайте же! Как двум концам сего палаша не соединиться в одно и не составить одной сабли, так и нам, товарищи, больше не видаться на этом свете. Помяните же прощальное мое слово (при сем слове голос его вырос, подымался выше, принял неведомую силу, – и смутились все от пророческих слов): перед смертным часом своим вы вспомните меня! Думаете, купили спокойствие и мир; думаете, пановать станете? Будете пановать другим панованьем: сдерут с твоей головы, гетьман, кожу, набьют ее гречаною половою, и долго будут видеть ее по всем ярмаркам! Не удержите и вы, паны, голов своих! Пропадете в сырых погребках, замурованные в каменные стены, если вас, как баранов, не сварят всех живыми в котлах!

– А вы, хлопцы! – продолжал он, оборотившись к своим, – кто из вас хочет умирать своею смертью – не по запечьям и бабьим лежанкам, не пьяными под забором у шинка, подобно всякой падали, а честной, козацкой смертью – всем на одной постеле, как жених с невестой? Или, может быть, хотите воротиться домой, да оборотиться в недоверков, да возить на своих спинах польских ксендзов?

– За тобою, пане полковнику! За тобою! – вскрикнули все, которые были в Тарасовом полку; и к ним перебежало немало других.

– А коли за мною, так за мною же! – сказал Тарас, надвинул глубже на голову себе шапку, грозно взглянул на всех оставшихся, оправился на коне своем и крикнул своим: – Не попрекнет же никто нас обидной речью! А ну, гайда, хлопцы, в гости к католикам!

И вслед за тем ударил он по коню, и потянулся за ним табор из ста телег, и с ними много было козацких конников и пехоты, и, оборо-тясь, грозил взором всем оставшимся, и гневен был взор его. Никто не посмел остановить их. В виду всего воинства уходил полк, и долго еще оборачивался Тарас и все грозил.

Смутны стояли гетьман и полковники, задумались все и молчали долго, как будто теснимые каким-то тяжелым предвестием. Недаром провещал Тарас: так все и сбылось, как он провещал. Немного времени спустя, после вероломного поступка под Каневом, вздернута была голова гетьмана на кол вместе со многими из первейших сановников.

А что же Тарас? А Тарас гулял по всей Польше с своим полком, выжег восемнадцать местечек, близ сорока костелов и уже доходил до Кракова. Много избил он всякой шляхты, разграбил богатейшие земли и лучшие замки; распечатали и поразливали по земле козаки

вековые меды и вина, сохранно сберегавшиеся в панских погребках; изрубили и пережгли дорогие сукна, одежды и утвари, находимые в кладовых. «Ничего не жалеете!» – повторял только Тарас. Не уважали козаки чернобровых панянок, белогрудых, светлоликих девиц; у самых алтарей не могли спастись они: зажигал их Тарас вместе с алтарями. Не одни бело-снежные руки подымались из огнистого пламени к небесам, сопровождаемые жалкими кри-ками, от которых подвинулась бы самая сырая земля и степовая трава поникла бы от жало-сти долу. Но не внимали ничему жестокие козаки и, поднимая копьями с улиц младенцев их, кидали к ним же в пламя. «Это вам, вражьи ляхи, поминки по Остапе!» – приговаривал только Тарас. И такие поминки по Остапе отправлял он в каждом селении, пока польское правительство не увидело, что поступки Тараса были побольше, чем обыкновенное разбой-ничество, и тому же самому Потоцкому поручено было с пятью полками поймать непременно Тараса.

Шесть дней уходили козами проселочными дорогами от всех преследований; едва выносили кони необыкновенное бегство и спасали казаков. Но Потоцкий на сей раз был достоин возложенного поручения; неутомимо преследовал он их и настиг на берегу Днестра, где Бульба занял для роздыха оставленную развалившуюся крепость.

Над самой кручей у Днестра-реки виднелась она своим оборванным валом и своими развалившимися останками стен. Щебнем и разбитым кирпичом усеяна была верхушка утеса, готовая всякую минуту сорваться и слететь вниз. Тут-то, с двух сторон, прилегающих к полю, обступил его коронный гетьман Потоцкий. Четыре дни бились и боролись козаки, отбиваясь кирпичами и камнями. Но истощились запасы и силы, и решился Тарас про-биться сквозь ряды. И пробиться было уже козаки, и, может быть, еще раз послужили бы им верно быстрые кони, как вдруг среди самого бегу остановился Тарас и вскрикнул: «Стой! выпала люлька с табаком; не хочу, чтобы и люлька досталась вражьем лясам!» И нагнулся старый атаман и стал отыскивать в траве свою люльку с табаком, неотлучную сопутницу на морях, и на суше, и в походах, и дома. А тем временем набежала вдруг ватага и схватила его под могучие плечи. Двинулся было он всеми членами, но уже не посыпались на землю, как бывало прежде, схватившие его гайдуки. «Эх, старость, старость!» – сказал он, и заплакал дебелый старый козак. Но не старость была виною: сила одолела силу. Мало не тридцать человек повисло у него по рукам и по ногам. «Попалась ворона! – кричали ляхи. – Теперь нужно только придумать, какую бы ему, собаке, лучшую честь воздать». И присудили, с гетьманского разрешенья, спечь его живого в виду всех. Тут же стояло нагое дерево, вершину которого разбило громом. Притянули его железными цепями к древесному стволу, гвоздем прибили ему руки и, приподняв его повыше, чтобы отовсюду был виден козак, при-нялись тут же раскладывать под деревом костер. Но не на костер глядел Тарас, не об огне он думал, которым собирались жечь его; глядел он, сердечный, в ту сторону, где отстреливались козаки: ему с высоты все было видно как на ладони.

– Занимайте, хлопцы, занимайте скорее, – кричал он, – горку, что за лесом: туда не подступят они!

Но ветер не донес его слов.

– Вот, пропадут, пропадут ни за что! – говорил он отчаянно и взглянул вниз, где сверкал Днестр. Радость блеснула в очах его. Он увидел выдвинувшиеся из-за кустарника четыре кормы, собрал всю силу голоса и зычно закричал:

– К берегу! к берегу, хлопцы! Спускайтесь подгорной дорожкой, что налево. У берега стоят челны, все забирайте, чтобы не было погони!

На этот раз ветер дунул с другой стороны, и все слова были услышаны козаками. Но за такой совет достался ему тут же удар обухом по голове, который переверотил все в глазах его.

Пустились козаки во всю прыть подгорной дорожкой; а уж погоня за плечами. Видят: путается и загибается дорожка и много дает в сторону извивов. «А, товарищи! не куды пошло!» – сказали все, остановились на миг, подняли свои нагайки, свистнули – и татарские их кони, отделившись от земли, распластавшись в воздухе, как змеи, перелетели через пропасть и бултыхнули прямо в Днестр. Двое только не достали до реки, грянулись с вышины об камень, пропали там навеки с конями, даже не успевши издать крика. А козаки уже плыли с конями в реке и отвязывали челны. Остановились ляхи над пропастью, дивясь неслыханному козацкому делу и думая: прыгать ли им или нет? Один молодой полковник, живая, горячая кровь, родной брат прекрасной полячки, обворожившей бедного Андрия, не подумал долго и бросился со всех сил с конем за козаками: перевернулся три раза в воздухе с конем своим и прямо грянулся на острые утесы. В куски изорвали его острые камни, пропавшего среди пропасти, и мозг его, смешавшись с кровью, обрызгал росшие по неровным стенам провала кусты.

Когда очнулся Тарас Бульба от удара и глянул на Днестр, уже козаки были на челнах и гребли веслами; пули сыпались на них сверху, но не доставали. И вспыхнули радостные очи у старого атамана.

– Прощайте, товарищи! – кричал он им сверху. – Вспоминайте меня и будущей же весной прибывайте сюда вновь да хорошенько погуляйте! Что, взяли, чертовы ляхи? Дума-ете, есть что-нибудь на свете, чего бы побоялся козак? Пойдите же, придет время, будет время, узнаете вы, что такое православная русская вера! Уже и теперь чувствуют дальние и близкие народы: подымается из Русской земли свой царь, и не будет в мире силы, которая бы не покорилась ему!..

А уже огонь подымался над костром, захватывал его ноги и разостлался пламенем по дереву... Да разве найдутся на свете такие огни, муки и такая сила, которая бы пересилила русскую силу!

Немалая река Днестр, и много на ней заводьев, речных густых камышей, отмелей и глу-бокотонных мест; блестит речное зеркало, оглашенное звонким ячаньем лебедей, и гордый гоголь быстро несется по нем, и много куликов, краснозобых курухтанов и всяких иных птиц в тростниках и на побережьях. Козаки живо плыли на узких двухрульных челнах, дружно гребли веслами, осторожно минули отмели, всполашивая подымавшихся птиц, и говорили про своего атамана.

Л. Н. Толстой

Лев Николаевич Толстой (1828–1910) – один из наиболее широко известных русских писателей и мыслителей, почитаемый как один из величайших писателей мира[4]. Участник обороны Севастополя. Просветитель, публицист, религиозный мыслитель, чьё авторитетное мнение послужило причиной возникновения нового религиозно-нравственного течения – толстовства. Член-корреспондент Императорской Академии наук (1873), почётный академик по разряду изящной словесности.

Творчество Льва Толстого ознаменовало новый этап в развитии русского и мирового реализма, став своеобразным мостом между традициями классического романа XIX века и литературой XX века. Лев Толстой оказал огромное влияние на эволюцию европейского гуманизма, а также на развитие реалистических традиций в мировой литературе. Произведения Льва Толстого многократно экранизировались и инсценировались в СССР и за рубежом; его пьесы ставились на сценах всего мира.

Наиболее известны такие произведения Толстого, как романы «Война и мир», «Анна Каренина», «Воскресение», автобиографическая трилогия «Детство», «Отрочество», «Юность», повести «Казачьи», «Смерть Ивана Ильича», «Крейцера соната», «Хаджи-Мурат», цикл очерков «Севастопольские рассказы», драмы «Живой труп» и «Власть тьмы», автобиографические религиозно-философские произведения «Исповедь» и «В чём моя вера?» и многое другое.

Кавказский пленник

I

Служил на Кавказе офицером один барин. Звали его Жилин.

Пришло ему раз письмо из дома. Пишет ему старуха мать: «Стара я уж стала, и хочется перед смертью повидать любимого сынка. Приезжай со мной проститься, похорони, а там и с богом поезжай опять на службу. А я тебе и невесту приискала: и умная, и хорошая, и именье есть. Полюбится тебе – может, и женишься и совсем останешься».

Жилин и раздумался: «И в самом деле, плоха уж старуха стала, может, и не придется увидеть. Поехать; а если невеста хороша – и жениться можно».

Пошел он к полковнику, выправил отпуск, простился с товарищами, поставил своим солдатам четыре ведра водки на прощанье и собрался ехать.

На Кавказе тогда война была. По дорогам ни днем, ни ночью не было проезда. Чуть кто из русских отъедет или отойдет от крепости, татары [Татарами в те времена называли горцев Северного Кавказа, которые подчинялись законам мусульманской веры (религии)] или убьют, или уведут в горы. И было заведено, что два раза в неделю из крепости в крепость ходили провожатые солдаты. Спереди и сзади идут солдаты, а в середине едет народ.

Дело было летом. Собрались на зорьке обозы за крепость, вышли провожатые солдаты и тронулись по дороге. Жилин ехал верхом, и телега его с вещами шла в обозе.

Ехать было двадцать пять верст. Обоз шел тихо: то солдаты остановятся, то в обозе колесо у кого соскочит или лошадь станет, и все стоят – ждут.

Солнце уже и за полдни перешло, а обоз только половину дороги прошел. Пыль, жара, солнце так и печет, и укрыться негде. Голая степь: ни деревца, ни кустика по дороге.

Выехал Жилин вперед, остановился и ждет, пока подойдет к нему обоз. Слышит, сзади на рожке заиграли – опять стоять. Жилин и подумал: «А не уехать ли одному, без солдат? Лошадь подо мной добрая, если и нападусь на татар – ускачу. Или не ездить?..»

Остановился, раздумывает. И подъезжает к нему на лошади другой офицер – Костылин, с ружьем, и говорит:

– Поедем, Жилин, одни. Мочи нет, есть хочется, да и жара. На мне рубаху хоть выжми. –

А Костылин – мужчина грузный, толстый, весь красный, а пот с него так и льет. Подумал Жилин и говорит:

– А ружье заряжено?

– Заряжено.

– Ну, так поедем. Только уговор – не разъезжаться.

И поехали они вперед по дороге. Едут степью, разговаривают да поглядывают по сто-ронам. Кругом далеко видно.

Только кончилась степь, вошла дорога промеж двух гор в ущелье. Жилин и говорит:

– Надо выехать на гору поглядеть, а то тут, пожалуй, выскочат из горы, и не

увидишь. А Костылин говорит:

– Что смотреть? Поедем вперед.

Жилин не послушал его.

– Нет, – говорит, – ты подожди внизу, а я только взгляну.

И пустил лошадь налево, на гору. Лошадь под Жилиным была охотничья (он за нее сто рублей заплатил в табуне жеребенком и сам выездил); как на крыльях, взнесла его на кручь. Только выскакал – глядь, а перед самым им, на десятину [Десятина – мера земли: немного более гектара] места, стоят татары верхами. Человек тридцать. Он увидал, стал

назад поворачивать; и татары его увидели, пустились к нему, сами на скаку выхватывают ружья из чехлов. Припустил Жилин под кручь во все лошадиные ноги, кричит Костылину:

– Вынимай ружье! – а сам думает на лошадь на свою: «Матушка, вынеси, не зацепись ногой; спотыкнешься – пропал. Доберусь до ружья, я и сам не дамся».

А Костылин, заместо того чтобы подождать, только увидел татар, закатился что есть духу к крепости. Плетью ожаривает лошадь то с того бока, то с другого. Только в пыли видно, как лошадь хвостом вертит.

Жилин видит – дело плохо. Ружье уехало, с одной шашкой ничего не сделаешь. Пустил он лошадь назад, к солдатам – думал уйти. Видит – ему наперерез катят шестеро. Под ним лошадь добрая, а под теми еще добрее, да и наперерез скачут. Стал он окорачивать, хотел назад поворотить, да уж разнеслась лошадь – не удержит, прямо на них летит. Видит – бли-зится к нему с красной бородой татарин на сером коне. Визжит, зубы оскалил, ружье наго-тове.

«Ну, – думает Жилин, – знаю вас, чертей: если живого возьмут, посадят в яму, будут плетью пороть. Не дамся же живой... «А Жилин хоть не велик ростом, а удал был. Выхватил шашку, пустил лошадь прямо на красного татарина, думает: «Либо лошадью сомну, либо срублю шашкой».

На лошадь места не доскакал Жилин – выстрелили по нем сзади из ружей и попали в лошадь. Ударилась лошадь оземь со всего маху – навалилась Жилину на ногу.

Хотел он подняться, а уж на нем два татарина вонючие сидят, крутят ему назад руки. Рванулся он, скинул с себя татар, да еще соскака-ли с коней трое на него, начали бить прикладами по голове. Помутилось у него в глазах, и зашатался. Схватили его татары, сняли с седел подпруги запасные, закрутили ему руки за спину, завязали татарским узлом, поволокли к седлу. Шапку с него сбили, сапоги стащили, все обшарили – деньги, часы вынули, платье все изорвали. Оглянулся Жилин на свою лошадь. Она, сердечная, как упала на бок, так и лежит, только бьется ногами – до земли не достает; в голове дыра, а из дыры так и свищет кровь черная – на аршин кругом пыль смочила. Один татарин подошел к лошади, стал седло снимать, – она все бьется; он вынул кинжал, прорезал ей глотку. Засвистело из горла, трепенулась – и пар вон.